

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ СОСТАВЛЯЮЩИХ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ОГУЗОВ И ПЕЧЕНЕГОВ

После падения Хазарского каганата гегемонами в степях Восточной Европы становятся племена огузов и печенегов. Данный факт предопределил большой интерес исследователей к истории этих народов. В ряде работ отечественных археологов и историков достаточно подробно рассмотрена их материальная культура и корпус письменных источников, содержащих сведения касательно этих этносов (Плетнёва С.А., 1958; Фёдоров-Давыдов Г.А., 1966; Кригер В.А., 1986; 1993; Иванов В.А., 1993; Гарустович Г.Н., Иванов В.А., 2001; Круглов Е.В., 2001а; 2001б).

В то же время вопросы выделения этнокультурных компонентов в материальной культуре этих объединений ранее никем не ставились. Сейчас в связи с накоплением археологических материалов представляется возможным сделать первые шаги в решении данной проблемы.

Анализ основных категорий предметов из захоронений и основных характеристик погребального обряда огузов и печенегов

Согласно результатам исследований прошлых лет, в качестве основных признаков огузского погребального обряда рассматривается сопровождение покойного шкурой коня, у которого конечности расчленились по первый или второй скаковой сустав, а также её расположение над погребённым. Также к числу значимых элементов отнесен набор особых украшений: копоушек, птицевидных, крыловидных нашивок и привесок (Кригер В.А., 1993, с.134-137; Гарустович Г.Н., Иванов В.А., 2001, с.94; Круглов Е.В., 2001а, с.59-60). Основной характеристикой печенежского погребального обряда считается расположение чучела или

шкуры коня сбоку (как правило, слева) от погребённого на одном с ним уровне, либо на невысокой ступеньке.

Анализ погребального обряда данных племён указывает на высокую степень типологического сходства между ними. Это дало основание некоторым исследователям выдвинуть тезис о невозможности выделения элементов погребального обряда, характерных для каждой из этнических групп (Фёдоров-Давыдов Г.А., 1966, с.141). Такое сходство свидетельствует о генетическом родстве материальных культур указанных племён, которое, скорее всего, было обусловлено участием в их формировании общих этнокультурных компонентов.

Привлекают к себе внимание исследования крупного археолога-кочевниковеда Д.Г.Савинова. В ряде своих работ им были рассмотрены вопросы происхождения материальной культуры кимако-кипчакского объединения (Савинов Д.Г., 1979; 1984; 1994; Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 2005). Эти данные имеют большое значение для раскрытия темы настоящей работы, так как культура средневековых половцев-кипчаков имеет ряд общих черт с древностями огузо-печенегов.

В результате изучения указанных проблем Д.Г.Савинов выявил ряд аналогий характерным элементам культуры кипчаков в материалах верхнеобской культуры. Так, им было отмечено распространение в вещевом комплексе верхнеобских памятников удила без перегиба, серёг в виде знака вопроса, витых гривен; захоронение в засыпях курганов шкур, голов и скаковых конечностей коней (Савинов Д.Г., 1979, с.54; Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 2005, с.301). Происхождение украшений ажурного стиля связывалось им с таштыкскими традициями. Однако их проникновение в среду кимако-кипчакского объединения было обусловлено контактами кочевников с верхнеобскими

племенами. (Савинов Д.Г., 1979, с.54-56). По мнению Д.Г.Савинова, верхнеобский субстрат сыграл важную роль в сложении сротскинской культуры (Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 2005, с.301). В этническом отношении верхнеобцы, скорее всего, должны рассматриваться как угро-самодийцы, в состав которых входил также раннетюркский компонент (Уманский А.П., 1974, с.148). Показательно, что, основываясь на результатах многолетних исследований, В.А.Могильников считал, что население, оставившее памятники сротскинского, типа представляет собой тюркизированных угро-самодийцев (Могильников В.А., 2002, с.215-218).

Таким образом, верхнеобский субстрат является важным компонентом, входившим в состав сротскинской культуры, датируемой исследователями IX-X вв. Именно в рамках этой археологической общности получают развитие элементы, аналогии которым находятся в культуре огузо-печенегов Восточной Европы. Здесь отмечены захоронения в сопровождении шкуры коня, получают распространение изделия ажурного стиля, близкие по облику огузским, костяные подпружные пряжки и др. В то же время сротскинские памятники синхронны памятникам, оставленным общностью огузо-печенегов. Это приводит к выводу о том, что эти образования складывались параллельно, при участии общего этнокультурного компонента.

Здесь следует отметить, что нельзя говорить о прямом формировании культур огузов, печенегов и кипчаков на основе верхнеобского комплекса. На это особо указывает Д.Г.Савинов. Он отмечает, что этногенез кипчаков был сложным, многоэтапным процессом, в котором участвовали многочисленные тюркоязычные составляющие (Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 2005, с.301). Так же следует характеризовать процесс сложения огузо-печенежской общности.

Анализ вещевого комплекса огузских погребений степей Восточной Европы позволяет выделить целый ряд предметов, которые своим происхождением связаны с лесостепными районами Западной Сибири, Алтая, а также Минусинской котловины.

Как уже отмечалось выше, одним из отличительных признаков материальной культуры

этих кочевников являются находки в погребениях металлических украшений ажурного стиля: птицевидные нашивки, копоушки и др. Наиболее близкие аналогии подобным предметам обнаруживаются в материалах памятников сротскинского типа (Савинов Д.Г., 1994, табл. XII 13; XIII 2, 3, 7, 15). Как уже упоминалось выше, Д.Г.Савинов считает, что истоки традиции изготовления таких предметов исходят от носителей таштыкской культуры. По его мнению, их проникновение в сротскинскую среду проходило при участии верхнеобского населения (Савинов Д.Г., 1979, с.56, рис.1). В этой связи очень показательна таблица, приведённая в статье Д.Г.Савинова "Об основных этапах развития этнокультурной общности кыпчаков на юге Западной Сибири". В связи с введением в научный оборот новых археологических материалов эту таблицу можно дополнить (рис.1). Здесь наглядно прослеживается эволюция украшений ажурного стиля, иллюстрирующая факт творческого осмысления и развития древних таштыкских традиций в среде кочевников Сибири и Восточной Европы.

Следует отметить, что изделия, найденные на памятниках сротскинской культуры, действительно находят близкие аналогии среди таштыкских предметов. В то же время украшения восточноевропейских огузов имеют с последними весьма отдалённое сходство. При этом аналогии огузским вещам в сротскинских материалах очевидны. Прежде всего надо отметить копоушку из могильника Ур-Бердари (Елькин М.Г., 1970, с.81-92) (рис.1, 14), птицевидные нашивки из материалов могильников Усть-Большая Речка и Сандыккала (Археологические..., 1987, рис.113, 11) (рис.1, 17, 18), а также серию копоушек, из которых выделяется изделие из Усть-Большой Речки (рис.1, 24, 26, 27, 28) и Сротскинского могильника (Савинов Д.Г., 1998, рис.6, 5) (рис.1, 15). Изображённая на последней композиция в виде стилизованной летящей птицы находит многочисленные аналогии на копоушках, происходящих из огузских погребений Восточной Европы (рис.1, 29, 30, 31).

Проникновение традиции изготовления предметов ажурного стиля Д.Г.Савинов считает результатом влияния кипчаков на племена огузо-печенегов (Савинов Д.Г., 1979, с.63). Исследовательница подобных металлических

украшений, обнаруженных на территории Восточной Европы, Л.М.Гаврилина, отмечая их близость сибирским материалам, указывает, что обе группы являются проявлением одной евразийской традиции изготовления высокохудожественных образцов металлопластики (Гаврилина Л.М., 1985, с.224). В то же время она считает сомнительным тот факт, что ее носителями были кипчаки, справедливо указывая, что в половецких древностях такие предметы полностью отсутствуют (Гаврилина Л.М., 1985, с.224).

Важной особенностью Л.М.Гаврилина считает параллельное сосуществование европейской и сроткинской традиции изготовления украшений ажурного стиля. По её мнению, этот факт опровергает утверждение Д.Г.Савинова о возможных связях и влияниях между группами населения, проживавших в этих районах (Гаврилина Л.М., 1985, с.224). Однако согласиться с этим мнением нельзя. Археологические материалы однозначно указывают, что в сложении культуры огузов и синхронных им кочевников Западной Сибири принимал участие общий этнокультурный субстрат, в рамках которого бытовали традиции изготовления таких украшений.

Особый интерес представляет распространение в материалах огузских погребений металлических пряжек с приострѐнным носиком (рис.2). Они зафиксированы в захоронениях могильников Рубежка, Быково-I (Кригер В.А., Железчиков Б.Ф., 1980, рис.1, 6; Смирнов К.Ф., 1960, рис.15, 4; Гарустович Г.Н., Иванов В.А., 2001, рис.24, 14, 15) (рис.2, 38, 39). Подобные элементы поясной гарнитуры широко распространены в материалах сроткинской культуры (Грязнов М.П., 1956, табл.LV, 18, LVI, 11; Савинов Д.Г., 1998, табл.I 1, 12; IV 3, 4; V 1; VII 3), на памятниках средневековых кочевников в Верхнем Прииртышье (Археологические..., 1987, рис.102, 3; Могильников В.А., 2002, рис.57, 9; рис.85, 10; рис.111, 5; рис.215, 24; Археология СССР..., 1981, рис.26, 31) (рис.2, 22, 24-27). В Барабинской степи зафиксированы находки костяных подпружных пряжек, полностью повторяющих форму металлических аналогов (Бараба..., 1988, рис.30, 8, 9) (рис.2, 28). Следует особо отметить находки подобных элементов поясной гарнитуры при исследовании памятников верхнеобской культуры (Грязнов

М.П., 1956, табл. XXXIII, 10; XLI, 19; Троицкая Т.Н., Новиков А.В., 1998, рис.25, 13, 14) (рис.2, 19, 23). Однако происхождение формы рассматриваемых пряжек следует связывать с таштыкскими комплексами Минусинской котловины. Здесь они получают широкое распространение уже с рубежа нашей эры (Кызласов Л.Р., 1960, с.37) (рис.2, 1). Следует особо отметить, что устройство носика на поясной пряжке было очень распространено у "таштыкцев". По всей видимости, именно под их влиянием происходит укоренение таких форм гарнитуры в верхнеобском комплексе. Большое культурное влияние населения Минусинской котловины на "верхнеобцев" неоднократно отмечалось многими исследователями. Позднее верхнеобский компонент сыграет заметную роль в формировании облика материальной культуры кочевников Западной Сибири. Можно предположить, что в Восточную Европу подобные пряжки проникают с миграциями западносибирских тюркоязычных номадов. Стоит сказать, что Е.В.Круглов отмечает архаичность погребального инвентаря в захоронениях, где обнаруживаются указанные пряжки, и датирует их сер. IX в. (Круглов Е.В., 2001б, с.421).

Анализ огузских материалов даёт основание говорить, что пряжки с приострѐнным носиком получают типологическое развитие в европейских степях. В захоронениях связываемых с огузами распространены ряд типов этой категории гарнитуры, отличительной чертой которых является овальная рамка, заострѐнная на конце. По всей видимости, такая форма имитирует образцы с приострѐнным носиком. Такие пряжки встречаются в целом ряде огузских могильников: Кара-Су, Павловка, Ченин, Колобовка и др. (Гарустович Г.Н., Иванов В.А., 2001, рис.24, 11, 20; Круглов Е.В., 2001б, рис.5, 15; Круглов Е.В. и др., 2005, рис.3, 4). Они фиксируются в погребениях, которые датируются исследователями сер. – 2-ой пол. X в. (Круглов Е.В., 2001б, с.396). Таким образом, можно сказать, что западносибирские культурные традиции подвергались в среде восточноевропейских номадов трансформации и творческому осмыслению, что приводило к созданию собственного уникального стиля. Следует особо отметить, что в западносибирских степях наблюдаются аналогичные процессы. Здесь также происходила трансформация гар-

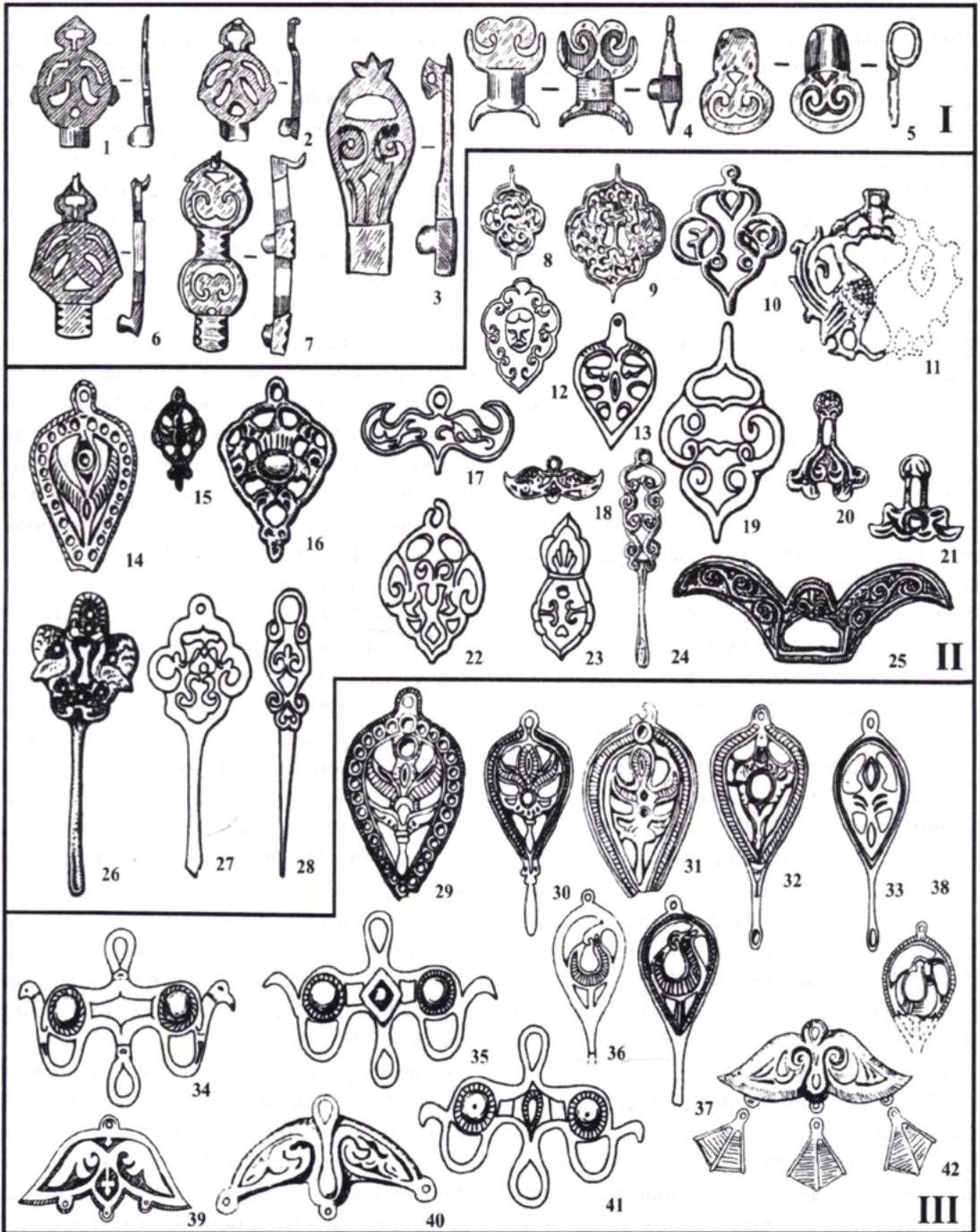

Рис. 1. I – таштыкская культура; II – сrostкинская культура; III – культура восточноевропейских огузов. 1-7 – Изыхский чаатас, склеп 2 (Кызласов Л.Р., 1960); 8, 9 – Ближние Елбаны-VIII, к.2, п.3 (Грязнов М.П., 1956); 10, 14, 19, 22, 28 – Ур-Бердари, к.30 (Елькин М.Г., 1970); 11, 18 – Сандыккала, объект 1, п.3 (Археологические памятники..., 1987); 12 – Новокамьшенка (Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 2005); 13, 15, 23 – Сrostкинский могильник (Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 2005; Савинов Д.Г., 1998); 16 – Гилёво-IX, к.6, п.2 (Могильников В.А., 2002); 17, 27 – Усть-Большая Речка (из раскопок Копытова М.Д.), (Савинов Д.Г., 1984); 20, 21 – Карашат-I, объект 23, п.2 (Археологические памятники..., 1987); 24 – Карболиха-VII, к.1 (Могильников В.А., 2002); 25 – Гилёво-VII, к.4, п.2 (Могильников В.А., 2002); 26 – Карболиха-II, к.6 (Могильников В.А., 2002); 29-42 – украшения из погребений восточноевропейских огузов (Гаврилина Л.М., 1985).

Fig. 1. I – Tashtyk culture; II – Srostki culture; III – East European Oghuz culture. 1-7 – Izykhsky chaatas, vault 2 (Кызласов Л.Р., 1960); 8, 9 – Blizhniye Yelbany-VIII, barrow 2, burial 3 (Грязнов М.П., 1956); 10, 14, 19, 22, 28 – Ur-Berdari, barrow 30 (Елькин М.Г., 1970); 11, 18 – Sandykkala, object 1, burial 3 (Археологические памятники..., 1987); 12 – Novokamyshenka (Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 2005); 13, 15, 23 – Srostki burial ground (Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 2005; Савинов Д.Г., 1998); 16 – Gilyovo-IX, barrow 6, burial 2 (Могильников В.А., 2002); 17, 27 – Ust-Bolshaia Rechka (from M.D.Kopytov's excavation) (Савинов Д.Г., 1984); 20, 21 – Karashat-I, object 23, burial 2 (Археологические памятники..., 1987); 24 – Karbolikha-VII, barrow 1 (Могильников В.А., 2002); 25 – Gilyovo-VII, barrow 4, burial 2 (Могильников В.А., 2002); 26 – Karbolikha-II, barrow 6 (Могильников В.А., 2002); 29-42 – jewelry from burials of East European Oghuzes (Гаврилина Л.М., 1985).

нитур с носиком в сторону сглаживания формы щитка и придания ему сердцевидной или лировидной формы.

Необходимо обратить внимание на распространение в огузо-печенежских погребениях пряжек с прямоугольной рамкой и выделенным носиком (рис.2, 40, 41). Такие предметы своей формой восходят к архаичным таштыкским образцам.

Для более позднего времени Г.А.Фёдоров-Давыдов отмечал распространение гарнитуры с выделенным носиком в домонгольских слоях Болгара, Новгорода, в Прикамье (Фёдоров-Давыдов Г.А., 1966, с.44). По всей видимости, эти типы распространяются в указанных районах в результате контактов оседлых народов с кочевниками, что хорошо прослеживается по данным письменных и археологических источников.

Рассматривая вопрос проникновения этих форм в европейские степи, следует ещё раз обратиться к погребению 3 кургана 14 могильника Быково-I и рассмотреть находку в данном захоронении костяных наконечников стрел. Такие же артефакты обнаружены в погребении 2/11 могильника Кос-Оба (Кригер В.А., 1979, с.175, рис.4) (рис.7, 1-4) и печенежском

погребении могильника Ак-Булак (Гарустович Г.Н., Иванов В.А., 2001, рис.20, 2). Подобные находки являются абсолютно нехарактерными для средневековых кочевников Восточной Европы. Данные наконечники находят близкие аналогии в материалах верхнеобской культуры (Грязнов М.П., 1956, табл.XV, 5-7; XXXII, 3; XXXIV, 9, 10, 15; XLII, 5; LXI, 10; Троицкая Т.Н., Новиков А.В., 1998, рис.22, 1-4, 5-7, 50-5). Находки костяных наконечников стрел являются ярким подтверждением существования этнокультурных связей восточно-европейских огузо-печенегов с западносибирским регионом.

Анализ гарнитуры сбруйных и поясных наборов из погребений огузов и печенегов также выявляет многочисленные аналогии в материалах средневековых кочевников Западной Сибири и предгорий Алтая (рис.3). Здесь отмечается сходство как в формах, так и в орнаментации предметов. Прежде всего обращает на себя внимание практически полное совпадение основных форм наременных бляшек. Наибольшее распространение получают простые округлые, сердцевидные формы, а также в виде стилизованного цветка. Близость западносибирских, алтайских и европейских материа-

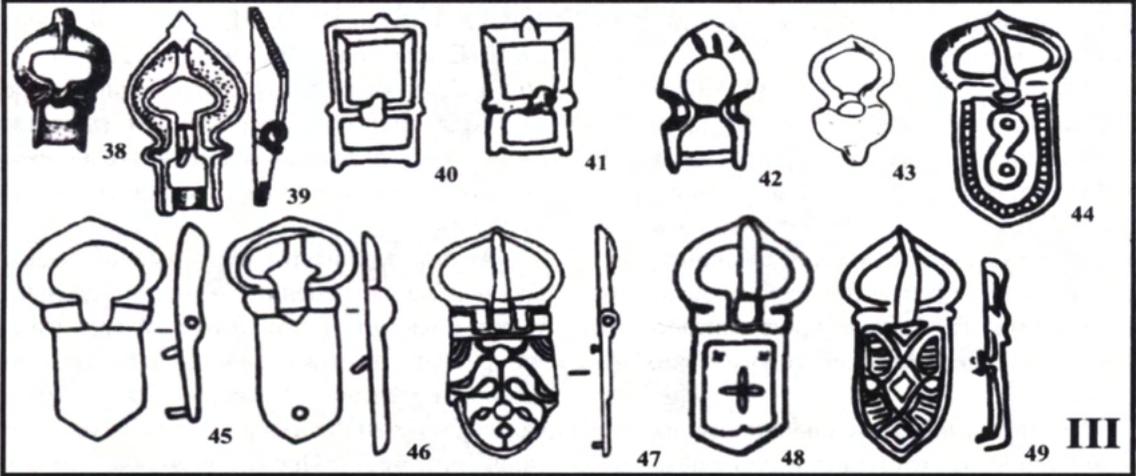
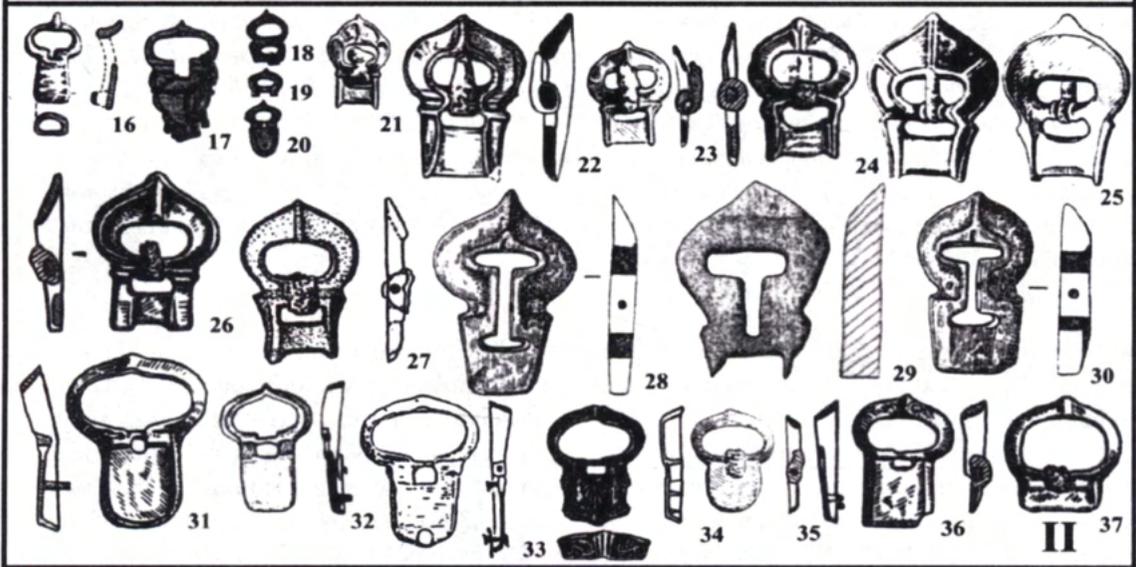
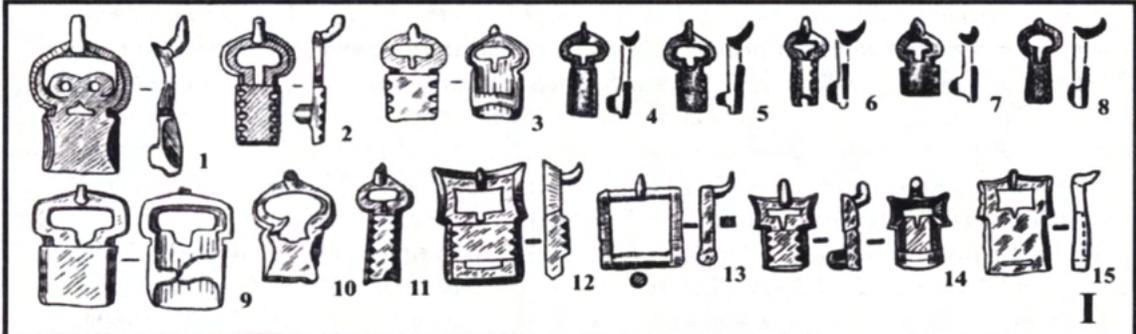

Рис. 2. I – таштыкская культура; II – сrostкинская культура; III – культура огузо-печенегов. 1-3, 9-11 – Изыхский чаатас, склеп 2 (Кызласов Л.Р., 1960); 4-8 – Быстрая-II (Поселянин А.И., 2003); 12-15 – Сырский чаатас, склеп 2 (Кызласов Л.Р., 1960); 16 – Ближние Елбаны-XII (Грязнов М.П., 1956); 17, 20 – Каменный мыс, к.9 (Троицкая Т.Н., Новиков А.В., 1998); 18 – Каменный мыс, к.8 (Троицкая Т.Н., Новиков А.В., 1998); 19 – Умна-3, к.4 (Троицкая Т.Н., Новиков А.В., 1998); 21 – Ближние Елбаны-VII, п.5, к.1 (Грязнов М.П., 1956); 22 – Гилёво-VII, к.9 (Могильников В.А., 2002); 23 – Ближние Елбаны-VII, п.78 (Грязнов М.П., 1956); 24 – Гилёво-XIII, к.6 (Могильников В.А., 2002); 25 – Карашат-I, объект 23, п.2 (Археологические памятники..., 1987); 26, 36, 37 – Гилёво-XII, к.2 (Могильников В.А., 2002); 27 – Шелаболиха-3 (Горбунов В.В., 1996); 28 – Большие Луки, п.1, к.1 (Барaba в тюркское время, 1988); 29 – Чулым-2, п.1, к.35 (Барaba в тюркское время, 1988); 30 – Третье отделение, п.1, к.1 (Барaba в тюркское время, 1988); 31 – Гилёво-IX, к.6 (Могильников В.А., 2002); 32 – Гилёво-VI, к.6 (Могильников В.А., 2002); 33 – Кураевка-I, к.1 (Могильников В.А., 2002); 34 – Гилёво-VII, к.5 (Могильников В.А., 2002); 35 – Гилёво-VII, п.2, к.4 (Могильников В.А., 2002); 38 – Быково-I, п.3, к.14 (Смирнов К.Ф., 1960); 39 – Рубежка-I (Кригер В.А., Железчиков Б.Ф., 1980); 40 – Большемихайловка-II (Шалобудов В.Н., Яремака В.Н., 1985); 41 – Казарлык-II, к.218 (Плетнёва С.А., 1973); 42 – Павловка, к.1 (Гарустович Г.Н., Иванов В.А., 2001); 43 – Сарайлы-кият (Гарустович Г.Н., Иванов В.А., 2001); 44 – Кривая Лука-XV, п.2, к.8 (Гаврилина Л.М., 1987); 45, 46 – Ченин, п.4, к.8 (Круглов Е.В. и др., 2003); 47 – Красная Деревня, п.8, к.15 (Круглов Е.В. и др., 2003); 48 – Кара-су-I (Кокебаева Г.К., 1980); 49 – Ново-Каменка, к.5 (Кубышев А.И., Орлов Р.С., 1982).

Fig. 2. I – Tashtyk culture; II – Srostki culture; III – Oghuz-Pecheneg culture. 1-3, 9-11 – Izykhsky chaatas, vault 2 (Кызласов Л.Р., 1960); 4-8 – Vystraia-II (Поселянин А.И., 2003); 12-15 – Syrsky chaatas, vault 2 (Кызласов Л.Р., 1960); 16 – Blizhniye Yelbany-XII (Грязнов М.П., 1956); 17, 20 – Kamennyi Mys, barrow 9 (Троицкая Т.Н., Новиков А.В., 1998); 18 – Kamennyi Mys, barrow 8 (Троицкая Т.Н., Новиков А.В., 1998); 19 – Uмна-3, barrow 4 (Троицкая Т.Н., Новиков А.В., 1998); 21 – Blizhniye Yelbany-VII, burial 5, barrow 1 (Грязнов М.П., 1956); 22 – Gilyovo-VII, barrow 9 (Могильников В.А., 2002); 23 – Blizhniye Yelbany-VII, burial 78 (Грязнов М.П., 1956); 24 – Gilyovo-XIII, barrow 6 (Могильников В.А., 2002); 25 – Karashat-I, object 23, burial 2 (Археологические памятники..., 1987); 26, 36, 37 – Gilyovo-XII, barrow 2 (Могильников В.А., 2002); 27 – Shelabolikha-3 (Горбунов В.В., 1996); 28 – Bolshie Luki, burial 1, barrow 1 (Барaba в тюркское время, 1988); 29 – Chulyum-2, burial 1, barrow 35 (Барaba в тюркское время, 1988); 30 – Tretie otdeleniye, burial 1, barrow 1 (Барaba в тюркское время, 1988); 31 – Gilyovo-IX, barrow 6 (Могильников В.А., 2002); 32 – Gilyovo-VI, barrow 6 (Могильников В.А., 2002); 33 – Kuraievka-I, barrow 1 (Могильников В.А., 2002); 34 – Gilyovo-VII, barrow 5 (Могильников В.А., 2002); 35 – Gilyovo-VII, burial 2, barrow 4 (Могильников В.А., 2002); 38 – Bykovo-I, burial 3, barrow 14 (Смирнов К.Ф., 1960); 39 – Rubezhka-I (Кригер В.А., Железчиков Б.Ф., 1980); 40 – Bolshemikhailovka-II (Шалобудов В.Н., Яремака В.Н., 1985); 41 – Kagarlyk-II, barrow 218 (Плетнёва С.А., 1973); 42 – Pavlovka, barrow 1 (Гарустович Г.Н., Иванов В.А., 2001); 43 – Saraily-kiyat (Гарустович Г.Н., Иванов В.А., 2001); 44 – Krivaia Luka-XV, burial 2, barrow 8 (Гаврилина Л.М., 1987); 45, 46 – Chenin, burial 4, barrow 8 (Круглов Е.В. и др., 2003); 47 – Krasnaia Derevnia, burial 8, barrow 15 (Круглов Е.В. и др., 2003); 48 – Kara-su-I (Кокебаева Г.К., 1980); 49 – Novo-Kamenka, barrow 5 (Кубышев А.И., Орлов Р.С., 1982).

лов ярко проявилась в находках идентичных нашивных бляшек в виде головы козла из могильников Гилёво – VII и Увак (рис.3, 24, 63).

Также следует упомянуть распространение в алтайских и европейских памятниках сердцевидных блях, размещавшихся на лбу и крупе коня. Сходство обнаруживается в общей форме, в размещении орнаментальных зон в центральной части предмета. В то же время

следует указать и на специфические черты таких украшений в указанных регионах. В алтайских материалах сердцевидные бляхи отличаются большей простотой исполнения. В Восточной Европе наблюдается развитие этой формы: становится богаче орнаментация, наверху появляется петелька, которая впоследствии трансформируется в особо выделенную верхнюю часть бляхи. Эти особенности свиде-

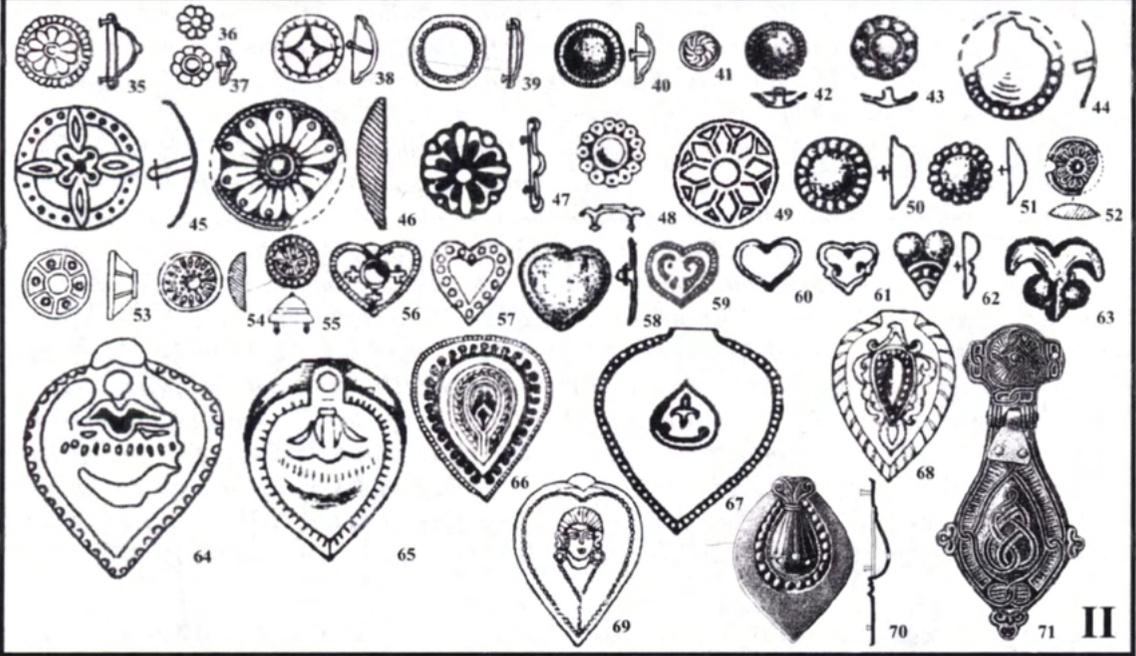
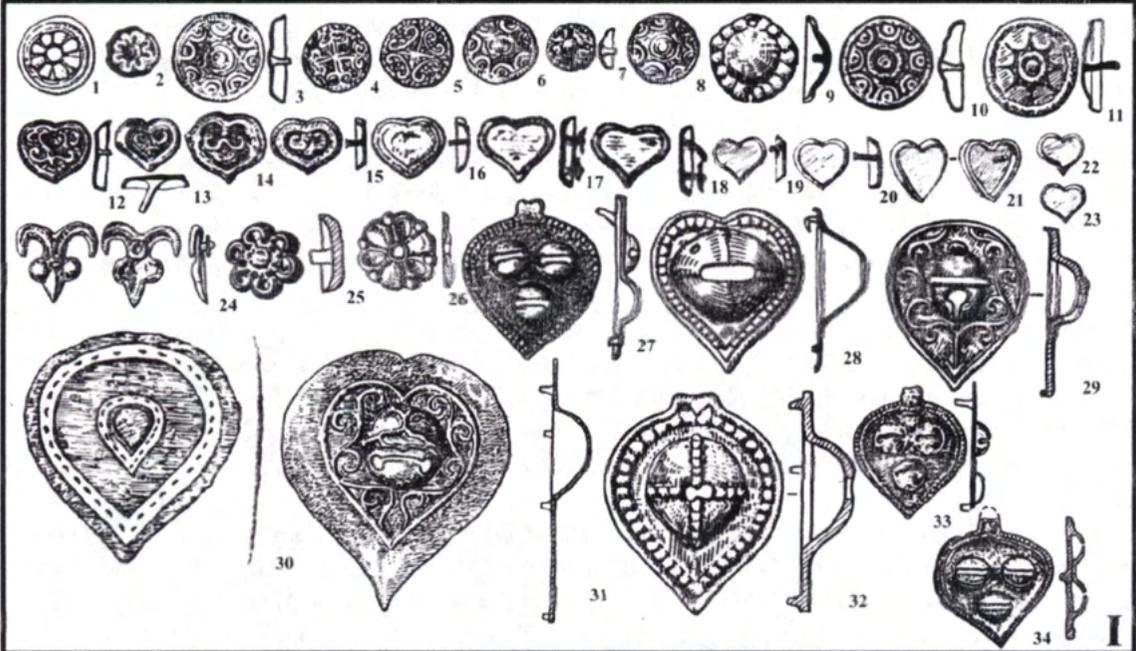

Рис. 3. I – сrostкинская культура; II – культура огузо-печенегов. I – Гилёво-IV, к.1 (Могильников В.А., 2002); 2 – Гилёво-V, к.6 (Могильников В.А., 2002); 3-8, 12, 14, 24 – Гилёво-VII, к.2, п.4 (Могильников В.А., 2002); 9 – Гилёво-IX, к.6 (Могильников В.А., 2002); 10, 11, 13, 15, 31, 33, 34 – Гилёво-VII, к.4 (Могильников В.А., 2002); 16, 24, 28 – Гилёво-XII, к.2 (Могильников В.А., 2002); 17-23 – Карашат-I, объект 26, 26а (Археологические памятники..., 1987); 26 – Карболиха-VIII, к.4 (Могильников В.А., 2002); 27 – Гилёво-VII, к.5 (Могильников В.А., 2002); 29, 32 – Гилёво-IX, к.6 (Могильников В.А., 2002); 30 – Акчий-II, объект 1 (Археологические памятники..., 1987); 35-37, 55 – Мирное (Доконт Н.К., 1973); 38, 39, 48, 60, 61 – Быково-II, п.5, к.3 (Смирнов К.Ф., 1960); 40, 63 – Увак (Фёдорова-Давыдова Э.А., 1969); 41, 71 – Ново-Каменка, к.5 (Кубышев А.И., Орлов Р.С., 1982); 42, 43, 58 – Быково-II, к.3, п.5 (Смирнов К.Ф., 1960); 44, 45, 64 – Ченин (Круглов Е.В. и др., 2003); 46, 50, 51, 62 – Успенка (Шнайдитейн Е.В., 1989); 49 – Приозёрное, п.3, к.2 (Круглов Е.В. и др., 2003); 52 – Колобовка, п.2, к.1 (Круглов Е.В. и др., 2005); 53 – Колпаковка-XXVI, п.3, к.3 (Шалобудов В.Н., Кудрявцева И.В., 1981); 54 – Верхнее Погромное, п.3, к.1 (Гарустович Г.Н., Иванов В.А., 2001); 56 – Калиновский, п.7, к.1 (Шилов В.П., 1959); 57 – Кара-су-I (Кокебаева Г.К., 1980); 59 – Гороженко (Кирпичников А.Н., 1973); 65, 68 – Болгарка-I (Гуцалов С.Ю., 1993); 66, 69 – Верхний Балыкле-II, п.5, к.1 (Яворская Л.В., 1997); 67 – Рахинка (Гаврилина Л.М., 1987); 70 – Первоконстантиновка (Кубышев А.П., Орлов Р.С., 1982).

Fig. 3. I – Srostki culture; II – Oghuz-Pecheneg culture. I – Gilyovo-IV, barrow 1 (Могильников В.А., 2002); 2 – Gilyovo-V, barrow 6 (Могильников В.А., 2002); 3-8, 12, 14, 24 – Gilyovo-VII, barrow 2, burial 4 (Могильников В.А., 2002); 9 – Gilyovo-IX, barrow 6 (Могильников В.А., 2002); 10, 11, 13, 15, 31, 33, 34 – Gilyovo-VII, barrow 4 (Могильников В.А., 2002); 16, 24, 28 – Gilyovo-XII, barrow 2 (Могильников В.А., 2002); 17-23 – Karashat-I, object 26, 26a (Археологические памятники..., 1987); 26 – Karbolikha-VIII, barrow 4 (Могильников В.А., 2002); 27 – Gilyovo-VII, barrow 5 (Могильников В.А., 2002); 29, 32 – Gilyovo-IX, barrow 6 (Могильников В.А., 2002); 30 – Akchii-II, object 1 (Археологические памятники..., 1987); 35-37, 55 – Mirnoie (Доконт Н.К., 1973); 38, 39, 48, 60, 61 – Bykovo-II, burial 5, barrow 3 (Смирнов К.Ф., 1960); 40, 63 – Uvak (Фёдорова-Давыдова Э.А., 1969); 41, 71 – Novo-Kamenka, barrow 5 (Кубышев А.И., Орлов Р.С., 1982); 42, 43, 58 – Bykovo-II, barrow 3, burial 5 (Смирнов К.Ф., 1960); 44, 45, 64 – Chenin (Круглов Е.В. и др., 2003); 46, 50, 51, 62 – Uspenka (Шнайдитейн Е.В., 1989); 49 – Prioziornoie, burial 3, barrow 2 (Круглов Е.В. и др., 2003); 52 – Kolobovka, burial 2, barrow 1 (Круглов Е.В. и др., 2005); 53 – Kolpakovka-XXVI, burial 3, barrow 3 (Шалобудов В.Н., Кудрявцева И.В., 1981); 54 – Verkhneie Pogromnoie, burial 3, barrow 1 (Гарустович Г.Н., Иванов В.А., 2001); 56 – Kalinovskii, burial 7, barrow 1 (Шилов В.П., 1959); 57 – Kara-su-I (Кокебаева Г.К., 1980); 59 – Gorozhenko (Кирпичников А.Н., 1973); 65, 68 – Bolgarka-I (Гуцалов С.Ю., 1993); 66, 69 – Verkhniie Balyklei-II, burial 5, barrow 1 (Яворская Л.В., 1997); 67 – Rakhinka (Гаврилина Л.М., 1987); 70 – Pervokonstantinovka (Кубышев А.П., Орлов Р.С., 1982).

тельствуют о генетическом родстве европейских и сибирских предметов. В то же время эти два ответвления единой традиции с определённого этапа развиваются самостоятельно, приобретая специфические черты.

Большой интерес представляют результаты сравнения поясных наконечников из двух указанных регионов (рис.4). Анализируя схему развития накладок и ременных наконечников из сбруйных наборов восточноевропейских кочевников, предложенную Л.М.Гаврилиной (Гаврилина Л.М., 1987, с.54-68), особо следует отметить ее совпадение с основными

направлениями развития аналогичных предметов в среде номадов Алтая и прилегающих степных районов (Горбунова Т.Г., 2003, с.78-89). Согласно исследованиям Т.Г.Горбуновой, в IX-X вв. в культуре последних наибольшее распространение получают неорнаментированные или украшенные растительной и геометрической орнаментацией овально-прямоугольные наконечники (Горбунова Т.Г., 2003, с.86). Аналогичные по форме и орнаментации наконечники ремней часто встречаются в погребениях огузов и печенегов в европейских степях. Л.М.Гаврилина относит эти вещи к

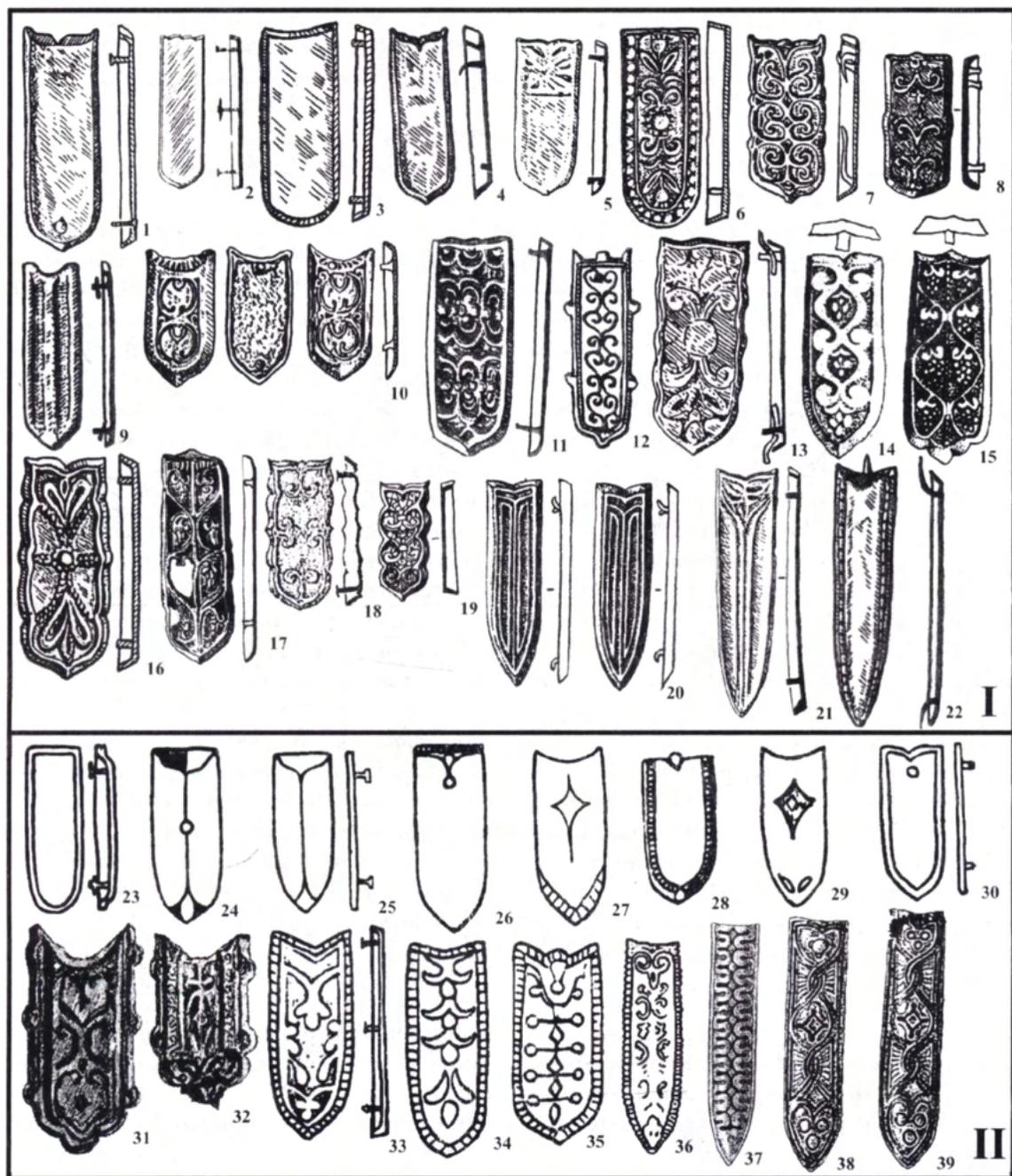

Рис. 4. I – сrostкинская культура; II – культура огузо-печенегов. 1 – Гилёво-IX, к.6 (Могильников В.А., 2002); 2 – Карашат-I, объект 26, 26а (Археологические памятники..., 1987); 3 – Карболиха-II, к.1 (Могильников В.А., 2002); 4 – Карболиха-VIII, к.5 (Могильников В.А., 2002); 5 – Кураевка (Могильников В.А., 2002); 6 – Гилёво-IX, к.6 (Могильников В.А., 2002); 7 – Карболиха-VIII, к.4 (Могильников В.А., 2002); 8 – Гилёво-VI (Могильников В.А., 2002); 9 – Гилёво-XII, к.2 (Могильников В.А., 2002); 10 – Гилёво-VIII, к.4 (Могильников В.А., 2002); 11 – Гилёво-VII, к.7 (Могильников В.А., 2002); 12 – Карболиха-VIII, к.4 (Могильников В.А., 2002); 13 – Гилёво-VII, к.4 (Могильников В.А., 2002); 14,15 – Щепчиха-I, к.4 (Тишкин А.А., 1993); 16 – Карболиха-II, к.1 (Могильников В.А., 2002); 17 – Гилёво-VII, к.4 (Могильников В.А., 2002); 19 – Гилёво-II, к.3 (Могильников В.А., 2002); 20 – Третье отделение, к.1 (Бараба в тюркское время, 1988); 21 – Гилёво-XV, к.5 (Могильников В.А., 2002); 22 – Гилёво-XII, к.2 (Могильников В.А., 2002); 23 – Калиновский, к.4, п.1 (Шилов В.П., 1958); 24, 25 – Колобово (Гаврилина Л.М., 1987); 26 – Балыклей-II, к.5, п. 1 (Гаврилина Л.М., 1987); 27 – Быково-II, к.3, п.5 (Смирнов К.Ф., 1960); 28-30 – Кривая Лука-XV (Гаврилина Л.М., 1987); 31, 32 – Ханская могила (Нефёдов Ф.Д., 1899); 33, 34 – Новоникольское, к.7, п.13 (Гаврилина Л.М., 1987); 35 – 15 посёлок (Гаврилина Л.М., 1987); 36 – Старо-Шведское (Кирпичников А.Н., 1973); 37 – Первоконстантиновка (Кубышев А.И., Орлов Р.С., 1982); 38, 39 – Ново-Каменка, к.5 (Кубышев А.И., Орлов Р.С., 1982).

Fig. 4. I – Srostki culture; II – Oghuz-Pecheneg culture. 1 – Gilyovo-IX, barrow 6 (Могильников В.А., 2002); 2 – Karashat-I, object 26, 26a (Археологические памятники..., 1987); 3 – Karbolikha-II, barrow 1 (Могильников В.А., 2002); 4 – Karbolikha-VIII, barrow 5 (Могильников В.А., 2002); 5 – Kuraevka (Могильников В.А., 2002); 6 – Gilyovo-IX, barrow 6 (Могильников В.А., 2002); 7 – Karbolikha-VIII, barrow 4 (Могильников В.А., 2002); 8 – Gilyovo-VI (Могильников В.А., 2002); 9 – Gilyovo-XII, barrow 2 (Могильников В.А., 2002); 10 – Gilyovo-VIII, barrow 4 (Могильников В.А., 2002); 11 – Gilyovo-VII, barrow 7 (Могильников В.А., 2002); 12 – Karbolikha-VIII, barrow 4 (Могильников В.А., 2002); 13 – Gilyovo-VII, barrow 4 (Могильников В.А., 2002); 14,15 – Shcherchikha-I, barrow 4 (Тишкин А.А., 1993); 16 – Karbolikha-II, barrow 1 (Могильников В.А., 2002); 17 – Gilyovo-VII, barrow 4 (Могильников В.А., 2002); 19 – Gilyovo-II, barrow 3 (Могильников В.А., 2002); 20 – Tretie otdeleniye, barrow 1 (Бараба в тюркское время, 1988); 21 – Gilyovo-XV, barrow 5 (Могильников В.А., 2002); 22 – Gilyovo-XII, barrow 2 (Могильников В.А., 2002); 23 – Kalinovskii, barrow 4, burial 1 (Шилов В.П., 1958); 24, 25 – Kolobovo (Гаврилина Л.М., 1987); 26 – Balyklei-II, barrow 5, burial 1 (Гаврилина Л.М., 1987); 27 – Vyukovo-II, barrow 3, burial 5 (Смирнов К.Ф., 1960); 28-30 – Krivaiia Luka-XV (Гаврилина Л.М., 1987); 31, 32 – Khanskaia Mogila (Нефёдов Ф.Д., 1899); 33, 34 – Novonikolskoiie, barrow 7, burial 13 (Гаврилина Л.М., 1987); 35 – 15 posielok (Гаврилина Л.М., 1987); 36 – Staro-Shvedskoiie (Кирпичников А.Н., 1973); 37 – Pervokonstantinovka (Кубышев А.И., Орлов Р.С., 1982); 38, 39 – Novo-Kamenka, barrow 5. (Кубышев А.И., Орлов Р.С., 1982)

первой и второй группам художественного металла и датирует в основном X в. (Гаврилина Л.М., 1987, с.63-64, рис.5). В кон. X – нач. XI в. в материалах западносибирских кочевников появляются длинные ременные наконечники килевидной формы. Т.Г.Горбунова связывает происхождение этих элементов гарнитуры с развитием овально-прямоугольных форм. Она также отмечает большее распространение на таких предметах геометрических орнаментов (Горбунова Т.Г., 2003, с.85). Идентичные по форме ременные наконечники в начале XI в. появляются в погребениях огузо-печенегов.

Л.М.Гаврилина относит их к третьей группе металлических элементов поясной и сбруйной гарнитуры (Гаврилина Л.М., 1987, с.64, рис.5). Такие наконечники зафиксированы в ряде высокохудожественных сбруйных наборов, обнаруженных в степях Северного Причерноморья. Эти вещи произведены в период наивысшего расцвета искусства средневековых огузо-печенегов. Так же, как и в сибирских аналогах, в стилистике оформления этих предметов большое место занимают геометрические орнаменты. Особо следует отметить синхронность формирования новых тенденций в

изготовлении металлопластики в среде народов Европы и Западной Сибири. На близкие аналогии ремненным наконечникам такого типа в материалах сrostкинской культуры указывал Д.Г.Савинов. Он связывал их проникновение в культуру восточноевропейских кочевников с кипчакским влиянием (Савинов Д.Г., 1994, табл.ХІІІ, 16, 17).

В то же время предметы из южнорусских степей несут на себе отпечаток влияния древнерусской и византийской культур. Это дало основание А.Н.Кирпичникову (Кирпичников А.Н., 1973, с.26-30) и ряду других археологов (Кубышев А.И., Орлов Р.С., 1982, с.238-246; Орлов Р.С., 1984, с.32-52; Гупало К.Н., Ивакин Г.Ю., 1980, с.203-219) говорить об их определяющем влиянии на развитие искусства средневековых nomadов данного региона. Приведённые выше данные не подтверждают эту точку зрения. Они свидетельствуют о традиционности изготовления подобной гарнитуры для средневековых кочевников южнорусских степей, хотя влияние мощных ремесленных центров юга Руси очевидно.

Таким образом, анализ элементов поясной и сбруйной гарнитуры, связываемой с огузопеченежскими племенами, показывает, что по своим формальным и стилистическим признакам они близки аналогам с Алтая и Западной Сибири. Это свидетельствует о том, что развитие этой категории вещей в указанных регионах происходило в рамках единой культурной традиции. При этом необходимо отметить, что оно проходило синхронно и параллельно, что привело к формированию ряда отличий между европейскими и сибирскими предметами. Подобная гарнитура в рассматриваемый период была широко распространена в восточноевропейских степях и была присуща как огузам, так и печенегам. Вышеизложенное свидетельствует о том, что сложение общностей nomadов Восточной Европы и Западной Сибири проходило при участии общего этнокультурного субстрата.

Одной из самых значимых черт огузских и печенежских погребений является захоронение вместе с человеком шкуры коня. Этот обряд получает широкое распространение в евразийских степях в IX-X вв. Большинство исследователей рассматривает его как развитие традиционного для тюрков погребения человека с конём.

В то же время при рассмотрении вопроса происхождения данной традиции привлекают внимание материалы средневековых могильников Среднего и Верхнего Приобья. Здесь в курганах верхнеобской и рёлкинской культур также зафиксированы сопроводительные захоронения останков коня.

Прежде всего следует отметить находки черепов и конечностей лошади в курганных насыпях ряда могильников, расположенных на Ближних Елбанах (Грязнов М.П., 1956, с.107, 115, 125, 140, табл.ХLIV, мог.8). М.П.Грязнов интерпретировал эти находки как остатки поминальных тризн и соотнёс с этнографическими данными о погребальном обряде современных хакасов (Грязнов М.П., 1956, с.107-108). Остатки поминальных тризн в насыпях курганов в виде черепов и шкур коня зафиксированы в Рёлкинском могильнике (Чиндина Л.А., 1977, с.99, 101-102). Следует отметить, что здесь шкуры и черепа лошади раскладывались отдельно (Чиндина Л.А., 1977, с.99, 101-102). Находки аналогичных частей конского скелета отмечены в курганах некрополей Томского Приобья (Беликова О.Б., Плетнёва Л.М., 1983, с.109). Согласно данным остеологических исследований, 90% костей лошади представлены остатками шкуры: черепами, костями конечностей.

Таким образом, исходя из вышеприведённых данных, можно констатировать, что в среде западносибирских племён был широко распространён поминальный обряд, сопровождавшийся жертвоприношением лошади и оставлением её шкуры на кладбище. Согласно этнографическим данным, шкуру вешали либо на специальный кол, либо на рядом стоящее дерево, а спустя какое-то время захоронивали в насыпях курганов или возле могил. Такая традиция свидетельствует о бытовании в среде обских племён культа коня. Его формированию способствовал хозяйственный уклад этих общностей. В условиях лесостепной зоны большой удельный вес в нём занимало скотоводство. На этой основе, а также под влиянием кочевых племён, населявших более южные степные районы, в их среде получила распространение всадническая культура, о чём свидетельствует погребальный инвентарь обских могильников.

Контакты населения Приобья с тюркоязычными номадами имели длительную исто-

рию. Проникновение кочевников с Алтая усиливается в VIII в., когда они начинают плотно осваивать западносибирские степи. Этот процесс сопровождался активными этническими контактами и взаимовлияниями. Так, в материалах сросткинской культуры, тюркоязычных кочевников Павлодарского Прииртышья прослеживается влияние местных приобских племён (Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 2005, с.292; Арсланова Ф.Х., 1968, с.109). Эти данные дают основание предположить, что обряд ингумации со шкурой коня формируется в среде тюркоязычных номадов в результате тесных межэтнических контактов с приобским населением. Под влиянием последних классический тюркский обряд труположения человека в сопровождении коня трансформируется. Конь здесь приобретает значение жертвенного животного, тушу которого съедают в ходе поминок.

В пользу этой гипотезы говорит и тот факт, что наиболее ранние тюркские захоронения в сопровождении шкуры коня найдены в Обь-Иртышском междуречье (Арсланова Ф.Х., 1968, с.99, 101). Следует отметить, что формирование данного обряда проходило постепенно. Об этом свидетельствуют материалы кочевнических могильников VIII-IX вв. в Прииртышье. Здесь наблюдается смешение черт погребальной обрядности, что свидетельствует о сложной этнической ситуации в данном районе (Арсланова Ф.Х., 1968, с.110-111). Так, здесь часто в рамках одного могильника фиксируются как погребения человека с целым конём, так и с его шкурой (Арсланова Ф.Х., 1968, с.99, 102-103). При этом, например, в Бобровском могильнике практически во всех курганах фиксируются остатки тризн, в состав которых входят черепа и кости ног лошади (Арсланова Ф.Х., 1968, с.102-103). Особо следует отметить, что во многих могильниках, в том числе и в Бобровском, фиксируются курганы, содержащие трупосожжения, в насыпи которых также находятся тризны в виде фрагментов глиняных сосудов и остатков шкур лошадей. Данные погребения Ф.Х.Арсланова соотносит с верхнеобским компонентом (Арсланова Ф.Х., 1968, с.109). Таким образом, археологические данные могильников Прииртышья дают основание предположить, что традиция сопровождения

умершего шкурой коня в среде тюркоязычных кочевников складывается именно под влиянием угро-самодийского населения Обь-Иртышского междуречья.

В этой связи некоторые характеристики огузского погребального обряда приобретают новое значение. Так, расположение шкуры коня над человеком может рассматриваться как реминисценция её размещения в насыпи кургана. Помимо этого, в огузских курганах в ряде случаев фиксируется наличие остатков тризн в виде останков коня. Так, можно упомянуть погребение Старица 30/4, исследованное В.П.Шиловым в Астраханской области. Погребение было впущено в большой курган эпохи бронзы и представляло собой коллективное захоронение четырёх человек в глубокой могиле. На перекрытии могилы лежали четыре черепа коня, а в ногах умерших находились задние ноги в анатомическом порядке. В насыпи могильной ямы располагались перемешанные останки пятой лошади, представленные черепом и скаковыми конечностями (Круглов Е.В., 2001б, с.409). Беспорядочное расположение костей свидетельствует о том, что это остатки поминальной тризны. Показателен набор костей: череп и конечности. Помимо этого, остатки тризн зафиксированы в к.12 Калиновского могильника, где были обнаружены черепа пяти лошадей, баночный горшок с насечками по венчику, каменный пест, бронзовая бляшка и железное кольцо (рис.7, 5). Все эти находки могут быть интерпретированы как тризна, относящаяся к огузскому погребению 19 (Шилов В.П., 1959, с.359, 363-364, рис.48, 7, 13). Аналогичный каменный пест был обнаружен в погребении 2/11 могильника Кос-Оба (Кригер В.А., 1979, с.175, рис.1, 3). Находки черепов коней также зафиксированы в насыпях погребений 2/4 Калиновского могильника (Шилов В.П., 1959, с.338-340), 13/7 Новоникольского могильника (Шилов В.П., 1975, с.21, 28-29). По всей видимости, таких примеров можно было бы привести гораздо больше. Однако чаще всего исследователи в научных отчётах и публикациях отмечают только наличие костей лошади в курганных насыпях, не уточняя, какие части скелета были найдены и характер их расположения.

Обращает на себя внимание большое число находок исключительно черепа жертвенно-

го коня. Как уже было отмечено выше, захоронение в насыпях кургана черепов коня зафиксированы в рёлкинских могильниках и на памятниках Томского Приобья (Чиндина Л.А., 1977, с.99, 101-102; Беликова О.Б., Плетнёва Л.М., 1983, с.109). Укладка черепов коня на деревянное перекрытие могилы зафиксирована и в Грязновском могильнике, раскопанном А.П.Уманским и отнесённом Д.Г.Савиновым к североалтайскому варианту сrostкинской культуры (Савинов Д.Г., 1994, с.91-92).

Таким образом, даже на основе приведённых примеров можно констатировать, что в огузской среде существовала традиция поминальных тризн с поеданием лошадиного мяса и оставлением определённых частей туши или шкуры на месте погребения покойного. Можно сказать, что истоки этого обряда прослеживаются в традициях населения Приобья. В этой связи можно предположить, что огузский обряд в виде ингумации со шкурой коня, размещаемой выше покойника, формируется в результате взаимовлияния погребальных традиций тюркоязычных кочевников и племён, населявших бассейн Оби. Такой характерный признак как расположение шкуры коня выше умершего можно рассматривать как проявление западносибирских традиций.

На этнокультурные связи огузской погребальной традиции с аналогичными обрядами населения лесостепных районов Западной Сибири указывает широкое распространение в огузских захоронениях деревянных перекрытий, подстилок из коры (Гарустович Г.Н., Иванов В.А., 2001, рис.24, 11, 20). Все эти перечисленные черты являются характерными для западносибирских лесостепных племён.

Сложным вопросом являются обстоятельства распространения обряда сопровождения погребённого шкурой коня в среде печенежских племён. Согласно сведениям письменных источников, печенежская конфедерация уже в начале VIII в. локализуется на Средней Сырдарье с центром в Отраре – Кангу-Тарбане (Кляшторный С.Г., 1964, с.179). В 712 г кенгерессы/печенеги оказали поддержку тюркскому корпусу под руководством Тоньюкука, Бильгекагана, Кюль-тегина при его отступлении на восток после поражения от арабов под предводительства Кутейбы ибн Муслима (Кляшторный С.Г., 1964, с.179).

Кангаро-кенгересское объединение имело сложную структуру и включало оседлое население оазисов и кочевые тюркские племена. По всей видимости, последние происходили из конфедерации теле. На это указывает сведения, приведённые П.Пелью, что печенеги под названием «бей-жу» в VII в. упоминаются в китайской летописи «Суй-шу» в разделе, посвященном племенной конфедерации теле (Кляшторный С.Г., 1964, с.177). Это даёт основание предположить, что для них также был присущ обряд сопровождения умершего конём. Проникновение в среду печенежских племён традиции захоронения шкуры коня, по всей видимости, происходило в результате этнокультурных контактов с населением, составившим основу кимакского объединения. Как уже упоминалось выше, наиболее ранние памятники, соотносимые с тюркоязычными кочевниками, входившими в указанную конфедерацию, исследованы Ф.Х.Арслановой на территории Павлодарского Прииртышья (Арсланова Ф.Х., 1968, с.98-110). Так, при раскопках Трофимовского могильника были зафиксированы воинские захоронения, сопровождавшиеся шкурой коня (Арсланова Ф.Х., 1968, с.99). Ф.Х.Арсланова отмечала аналогии в погребальном обряде исследованных захоронений, а также некоторым категориям артефактов в верхнеобской культуре (Арсланова Ф.Х., 1968, с.101, 109). Помимо этого, ею выделялся значительный алтайский, а также кыргызский компоненты (Арсланова Ф.Х., 1968, с.100-101, 109). В этой связи можно предположить, что основная часть тюркоязычных кочевников пришла в Прииртышье с Алтая, где они имели возможность контактировать с носителями верхнеобских и кыргызских традиций. Исследователями не раз отмечалось, что в рамках кимакского объединения наблюдается тесное взаимодействие составлявших его этнокультурных компонентов. Логично будет предположить, что в данных процессах могли участвовать кочевые роды, входившие в кангаро-печенежское объединение. В пользу этого говорит и тот факт, что территория канагского союза простиралась вплоть до Приуралья, включая в свой состав обширные степные пространства Западной Сибири. О проникновении на эти территории племён, входивших в кимакское объединение, свидетельствуют

курганы, раскопанные в районе озера Синеглазово (Боталов С.Г., 1986, с.118). Здесь были исследованы погребения, близкие памятникам Прииртышья. Взаимопроникновению культурных традиций способствовал тот факт, что в VIII в. кимакский и печенежский племенные союзы являлись неустойчивыми объединениями и находились в стадии своего становления.

В связи с этим можно предположить, что обряд укладки шкуры коня с погребённым проникает в печенежскую среду под влиянием племён, составивших основу Кимакского каганата. По всей видимости, помещение шкуры на один уровень с покойным явилось реминисценцией традиционного тюркского обряда трупоположения с конём, где туша животного помещалась рядом с человеком.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в этногенезе огузо-печенегов Восточной Европы участвовали племена, проживавшие в степных и лесостепных районах Западной Сибири. Анализ основных черт обряда, в соответствии с которым были совершены захоронения в обеих группах, позволяет говорить о том, что для формирования огузской погребальной традиции это участие носило определяющий характер. Для печенегов это влияние имело меньшее значение. Основные этномаркирующие черты огузского погребального обряда (захоронение шкуры коня над человеком) и материальной культуры (предметы и украшения, выполненные в "ажурном" стиле, основные типы элементов поясной и сбруйной гарнитуры, некоторые специфические предметы, такие как костяные наконечники стрел), имеют аналоги в материалах культур, распространенных в западносибирской лесостепи. Всё это свидетельствует об участии в этногенезе средневековых восточноевропейских кочевников культурного субстрата, длительное время проживавшего в указанных районах.

Этническая идентификация основных компонентов огузского племенного союза

В связи с вышеизложенным большое значение имеет этническая идентификация западносибирского компонента в составе огузов. В этом плане можно использовать сочинение хивинского хана Абу-л-Гази "Родословная тур-

кмен", в котором автор широко привлекает данные туркменских преданий и легенд. Поэтому в нём сохранились ценные генеалогические сведения туркмен, которые своим происхождением напрямую связаны со средневековыми огузами.

Однако, прежде всего, следует обратиться к информации Махмуда Кашгарского, указывающего, что огузская конфедерация имела традиционное для кочевников деление на два крыла – бузуков и учуков. Старшим подразделением в этой структуре являлись бузуки, поэтому они занимали восточные районы ареала расселения огузов. Западные области занимали роды, входящие в младшее объединение учуков. Если сопоставить эти сведения с географией расселения огузских племён, то можно довольно обоснованно утверждать, что восточноевропейские степи населяли роды, входившие в состав учуков. В соответствии со сведениями Абу-л-Гази племенем-предводителем этого подразделения огузов были баяндур, а вторым по старшинству был род баджане/печенег (Кононов А.Н., 1958, с.52).

На этом фоне очень интересно выглядит упоминание объединения баяндуров. По мнению исследователей, своим происхождением оно связано с древним телесским племенем баегу/байырку. Гардизи упоминает баяндуров в качестве одного из родов-основателей кимакского объединения (Бартольд В.В., 1973, с.43-44). В этом свете особое значение приобретает упоминание баяндуров в качестве предводителей восточноевропейских огузов. Эти сведения дают основания предположить, что именно они являются носителями западносибирских культурных традиций и их проводниками на территорию Восточной Европы.

Показателен факт упоминания в составе учуков рода баджане/печенег. Расселение печенегов в поволжских, приуральских и прикаспийских степях надёжно подтверждается археологическими и письменными источниками. О вхождении печенегов в состав огузского союза свидетельствуют сообщения Константина Багрянородного (Константин Багрянородный, 1934, с.16, 157) и Махмуда Кашгарского (Толстов С.П., 1947, с.78-79). Это также подтверждают результаты картографирования памятников огузов и печенегов в Поволжье и Прикаспии, приведённые в работе Г.Н.Гарустовича и В.А.Иванова (2001, рис.1).

На составленной ими карте наглядно видно концентрацию погребений огузов и печенегов на правобережье Волги. Особо надо отметить синхронность двух указанных групп захоронений. Трудно себе представить существование в поволжских и прикаспийских степях какого-либо печенежского объединения. Напротив, источники свидетельствуют о том, что данные территории были одним из центров огузских кочевий. Таким образом, вхождение в состав огузского союза печенегов подтверждается и археологическими данными.

Сведения Абу-л-Гази о вхождении баянду-ров в западное крыло огузского объединения подтверждаются русскими летописями. Они сообщают о заселении Поросья в начале XI в. на правах вассалов киевского князя берендеями/баяндурами, входившими в состав Черно-клубуцкого союза (Плетнёва С.А., 1990, с.74). Более того, летописцы выделяют это объединение как наиболее сильное и многочисленное (Плетнёва С.А., 1990, с.77, 79).

Появление в Поросье баянду-ров/берендеев было связано с экспансией половецко-кипчацких племён. В начале XI в. она также фиксируется и в среднеазиатском регионе. Под давлением кипчаков туркмены отступают на юг, составив основу сельджукского движения. В свою очередь, племена огузской конфедерации, населявшие степи Северного Прикаспия и Поволжья, отступают на запад, оседая, в том числе, и в Поросье.

Таким образом, сопоставляя археологические данные и сведения письменных источников, можно сказать, что большую роль в этногенезе восточноевропейских огузов сыграл этнокультурный субстрат, связанный своим происхождением с населением степных и лесостепных районов Западной Сибири. С большой долей уверенности этот компонент можно соотнести с племенем баяндур, возглавлявшим западное крыло огузского племенного союза.

Археологические материалы позволяют выделить и некоторые другие этнокультурные составляющие огузской конфедерации. Прежде всего следует отметить результаты исследований Самосдельского городища, расположенного в низовьях Волги. Систематические работы на данном памятнике проводятся с 2000 г. в рамках "Хазарского проекта", при поддержке Российского еврейского конгресса.

В ходе изучения нижних слоёв данного памятника был выделен очень интересный керамический комплекс, представленный лепными котлами со сферическим туловом и горизонтальными витыми и треугольными ручками (рис.5, 6).

Полные аналогии котлам с горизонтальными витыми ручками находятся в материалах Кулана (городище Луговое), Краснореченского городища в юго-западном Семиречье (Байпаков К.М., 1986, с.29-31, 61, рис.14), а также в материалах раннесредневековых слоёв Тараза (Бубнова М.А., 1963, с.89, 91). К.М.Байпаков датирует подобную керамику VII-VIII вв. Т.Н.Сенигова на материалах Тараза относит подобные котлы к VIII-IX вв. Истоки этих форм исследователи видят в кочевнической керамике, в связи с чем интерпретируют их как посуду кочевого тюркоязычного населения (Байпаков К.М., 1986, с.62). Аналогичные горизонтальные витые ручки встречаются на лепных и гончарных горшковидных котлах, обнаруживаемых на городище Джигербент (Вишневская Н.Ю., 2001, с.35-36, рис.11; 2, 10). Здесь эти сосуды датируются IX в. Н.Ю.Вишневская также связывает данные сосуды с керамикой тюркоязычных номадов.

Следует обратить внимание на резкое отличие котлов из Джигербента и Семиречья. По всей видимости, Семиречье является исходным центром распространения рассматриваемых элементов, а в гончарный комплекс населения бассейна Амударьи они проникают в результате влияния кочевников на материальную культуру земледельцев.

Полные аналогии котлам с треугольными ручками обнаруживаются на памятниках восточной части Таласской долины (Бубнова М.А., 1963, с.138). М.А.Бубнова считает, что форма этих сосудов восходит к металлическим образцам сакского времени.

Рассматривая вышеописанные категории керамики, следует отметить, что они имеют явную взаимосвязь, указывающую на близкое этническое родство их носителей. Как уже указывалось ранее, в рамках описанных типов наблюдается общность технологических характеристик. Особо следует остановиться на находках лепных котлов с горизонтальными витыми треугольными ручками. Подобные элементы свидетельствуют о том, что эти типы

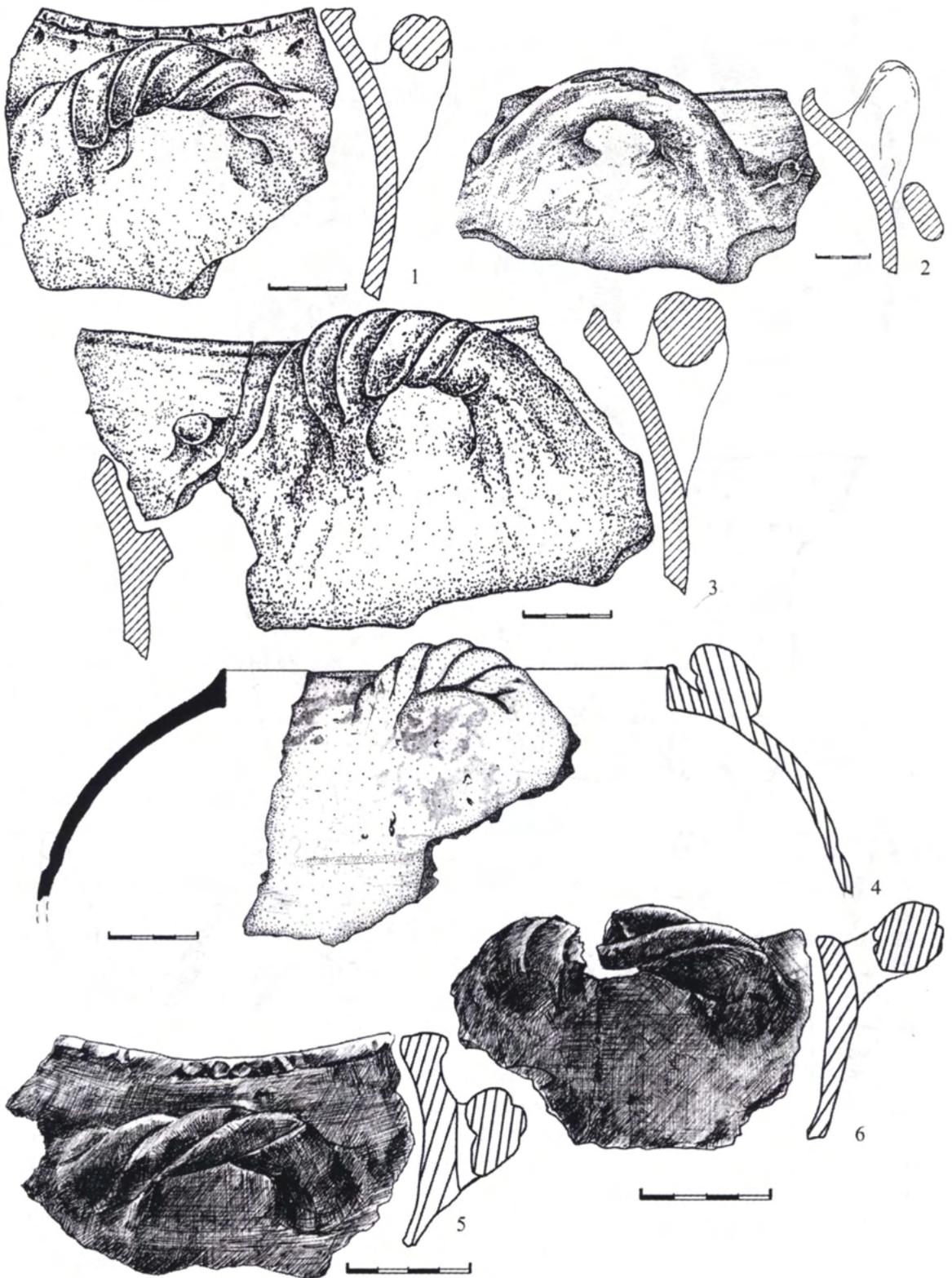

Рис. 5. 1-6 – лепные котлы с витыми ручками, обнаруженные при исследовании нижних слоев Самосдельского городища.

Fig. 5. 1-6 – modelled cauldrons with twisted handles found during the exploration of the bottom layers of the Samosdelka hillfort

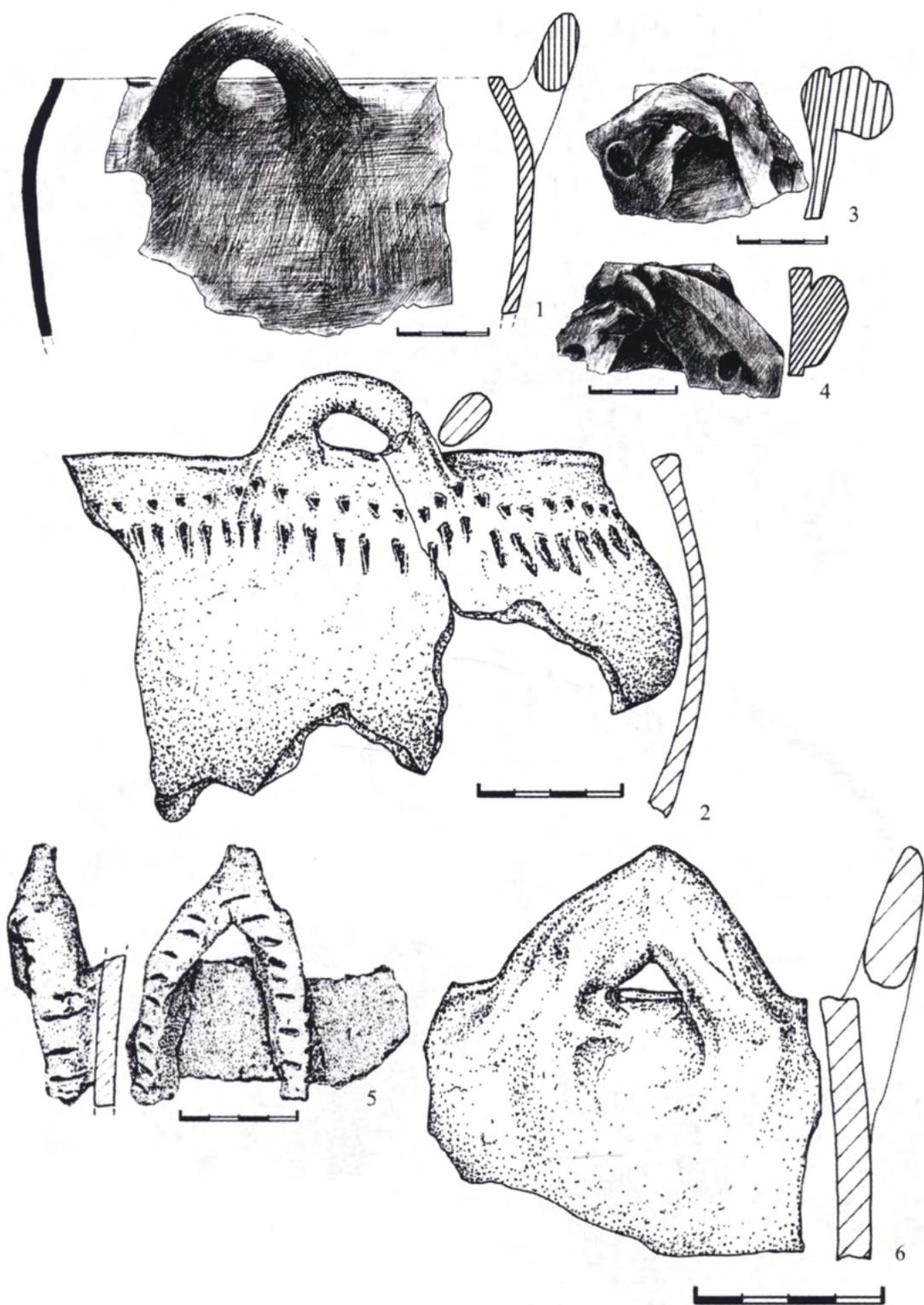

Рис. 6. 1-6 – лепные котлы с витыми и треугольными ручками, обнаруженные при исследовании нижних слоев Самосдельского городища.

Fig. 6. 1-6 – modelled cauldrons with twisted and triangular handles found during the exploration of the bottom layers of the Samosdelka hillfort

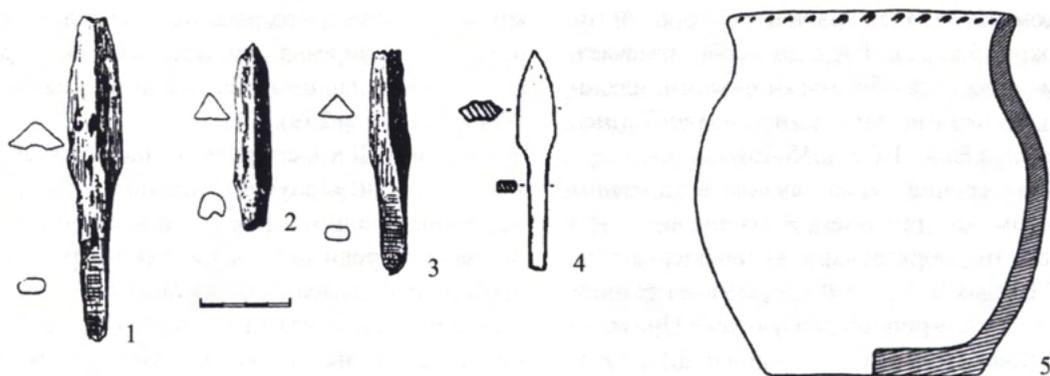

Рис. 7. Некоторые предметы из погребений огузов: 1-3 – костяные наконечники стрел. Быково-I, к.14, п.3 (Смирнов К.Ф., 1960); 4 – костяной наконечник стрелы. Кос-Оба (Крузер В.А., 1979); 5 – лепной горшок. Калиновский, к.12, засыпь (Шилов В.П., 1958).

Fig. 7. Some objects from Oghuz burials: 1-3 – bone arrowheads. Bykovo-I, barrow 14, burial 3 (Смирнов К.Ф., 1960); 4 – a bone arrowhead. Kos-Oba (Крузер В.А., 1979); 5 – a modelled pot. Kalinovsky, barrow 12, filling up (Шилов В.П., 1958)

котлов были распространены в одной этнокультурной группе населения городища.

Находки подобных котлов и анализ их морфологических характеристик позволяет говорить о выделении в материалах Самосдельского городища комплекса семиреченского происхождения. Большое значение имеет высокая степень сходства нижеволжских форм с сосудами из материалов памятников Семиречья. Это свидетельствует о прямом переселении носителей традиции изготовления подобных котлов в нижеволжский регион. Следует отметить, что бытование котлов этого типа в Семиречье имеет относительно ограниченные хронологические рамки. Исследователи датируют подобные котлы VII-IX вв. По всей видимости, исчезновение таких форм следует связывать с исламизацией и переходом к оседлому быту тюркоязычных кочевников. Как уже упоминалось выше, на Самосдельском городище котлы этих типов распространены исключительно в нижних слоях. Можно предположить, что их появление в материалах памятника следует датировать не позднее нач. IX в., а уже к нач. X в. они исчезают.

При анализе вопросов этнокультурной интерпретации рассматриваемой группы сосудов привлекают к себе внимание сведения, касающиеся периода сложения огузского объединения. Ранняя этническая история огузов остаёт-

ся сложным и малоизученным вопросом. По мнению большинства исследователей, данный период сложения огузской конфедерации связан с районами Западного Семиречья (Агаджанов С.Г., 1969, с.125-128).

В средневековых исторических преданиях говорится о том, что ставка одного из первых легендарных предков огузских племен находилась на побережье озера Иссык-Куль. В этой связи следует сказать, что еще в XI в. среди огузов сохранялись предания о далеких временах, когда они жили по соседству с чигилями. Махмуд Кашгарский указывает на то, что между огузами и чигили были враждебные отношения. Тюрки-чигили, входившие в VII-VIII вв. в состав Западно-Тюркского каганата, жили, в том числе, и на южном берегу Иссык-Куля. Также здесь надо отметить ряд вариантов легенды о “дождевом” камне, упоминаемых в сочинениях арабских авторов. Во всех вариантах территории в районе Иссык-Куля упоминаются в качестве прародины огузов (Агаджанов С.Г., 1969, с.127). Привлекает к себе внимание легендарное сообщение, которое помещает родину Огуз-хана на Таласе (Агаджанов С.Г., 1969, с.127).

В VIII-IX вв. на территории Семиречья, согласно письменным источникам, локализуется племенной союз ягма. Ягма было крупным объединением, занимавшим обширную территорию между карлуками и Уйгурским

каганатом. На западе ягма контролировали город и округ Кашгар. Гардизи особо отмечает, что ягма являются “богатыми людьми, владеющими большими табунами лошадей” (цит. по: Бартольд В.В., 1973, с.45-46).

Конфедерация ягма являлась древним племенным объединением. Ягма или янмо, как именуют это образование китайские источники (Малаявкин А.Г., 1981, с.189), на раннем этапе своей истории локализируются в Притяньшанье (Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 2005, карта “эпоха Уйгурского каганата”). Гардизи приводит ранние предания, заимствованные им у Ибн ал-Мукаффа, который сообщает, что ягма откололись от конфедерации токуз-огузов и примкнули к карлукам (Бартольд В.В., 1973, с.45-46). Данное сообщение следует рассматривать с определёнными поправками. По всей видимости, в нём нашло отражение принадлежности ягма к телесским племенам, из которых выделилось могущественное объединение токуз-огузов. Судя по данным китайских источников, непосредственно ягма не входили в состав этого союза, возглавляемого уйгурами (Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 2005, с.60). Однако с большой долей уверенности можно сказать, что они имели с ними тесные контакты. Большое значение для их установления сыграло вхождение Джунгарии в 756 г в состав Уйгурского каганата.

Худуд ал-Алам сообщает, что объединение ягма насчитывало 1700 родов (Hudud al-Alam..., 1937, p.95). Данная цифра представляется преувеличенной, однако она свидетельствует о многочисленности и неустойчивости данного образования. Согласно тому же источнику, ягма удерживали за собой значительные территории западного и центрального Тяньшаня, а также фиксируются в юго-западном Семиречье, в районе реки Нарын и озера Иссык-Куль (Hudud al-Alam..., 1937, p.279). Как уже упоминалось выше, в этом районе под их контролем находился город Кашгар. Можно предположить, что расширение территорий расселения ягма в Семиречье сопровождалось конфронтацией с карлуками, которые также претендовали на владение этими землями. В Худуд ал-Алам приводятся легенды, повествующие о столкновениях ягма с карлуками и кимаками (Hudud al-Alam..., 1937, p.278-279). Здесь надо отметить мнение В.Минорского,

который считает, что расселение ягма по территории Семиречья свидетельствует о расколе внутри данного объединения (Hudud al-Alam..., 1937, p.279).

С сер. VIII в. Семиречье становится объектом экспансии карлуков. Судя по письменным источникам, одним из ведущих племенных образований среди них были чигили. В связи с этим новый смысл приобретают легендарные сообщения Махмуда ал-Кашгари о конфронтации огузов и чигили на их исторической прародине (Агаджанов С.Г., 1977, с.87). Можно предположить, что конфликт ягма с карлуками имел длительную историю и возник в результате борьбы за гегемонию в Семиречье.

Особый накал борьбы ягма и карлуков в данном районе был обусловлен поражением последних в борьбе за гегемонию в центральноазиатских степях и образованием Уйгурского каганата. После этих событий основным направлением экспансии карлуков стало Семиречье и Таримский бассейн. По сообщениям письменных источников, карлуки встретили здесь ожесточённое сопротивление местных тюркских племён. Исходя из вышеизложенного, можно предположить, что основными противниками в данном районе для них стали ягма.

Учитывая сложившиеся в историографии точки зрения о происхождении огузов из района Семиречья и их отколёвке в результате войн с карлуками, можно предположить, что часть племён, переселившихся на Сырдарью, происходит из конфедерации ягма.

Как уже упоминалось, во 2-й пол. VIII в. карлуки были вынуждены отступить на запад – в Семиречье, где вели жестокие войны. Однако уже в сер. IX в. семиреченские союзы чигили и ягма становятся ведущими племенными объединениями в Караханидском каганате. Данное государство, как и ряд других тюркских образований, делилось на два крыла: старшее восточное, возглавляемое чигили, и западное младшее, возглавляемое ягма. Факт вхождения ягма в состав Караханидского каганата и его роль в качестве племени-предводителя западного крыла позволяют говорить, что в бассейн Сырдарьи ушла довольно ограниченная часть этого объединения. Большая его часть осталась на своих старых кочевьях. Такой результат характерен для межплеменных противоборств кочевников, чему можно привести

многочисленные примеры. Однако говорить о безболезненном вхождении ягма в Караханидское государство нельзя. В начале IX в. в среде этого союза были сильны сепаратистские тенденции, о чём свидетельствует мятеж против карлуков в северном Притяньшанье, где ягма имели очень сильные позиции, и распространение на данный район протектората Уйгурского каганата (Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 2005, с.116-117). В результате этого восстания в 803 г уйгуры захватили Турфан и через Фергану вышли к Сырдарье (Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 2005, с.116-117).

Рассматривая вопрос этнического происхождения сырдарьинских огузов, необходимо отметить, что, согласно сообщениям письменных источников, в состав этого объединения входило несколько тюркских племён. Так, источники говорят о вхождении в состав огузского союза халаджей, джагра (шагра), тюрок-чаруков.

Особый интерес представляют данные, касающиеся обстоятельств вхождения в огузскую конфедерацию тюрок-чаруков. В 1-й пол. VIII в. данное объединение локализуется в долине рек Чу и Талас. Центром их владений был богатейший город Тараз. В источниках он известен как "город славных и благословенных тюрк-чаруков" (Кляшторный С.Г., 1964, с.131). Однако в 766 г карлуки берут Тараз штурмом. Можно предположить, что чаруки являлись одним из племён, входивших в конфедерацию ягма. Как уже упоминалось выше, по всей видимости, основная часть этого племени при вхождении в состав Караханидского каганата остаётся на прежних местах обитания. При образовании этого государства Тараз становится ставкой предводителя западного крыла, происходившего из племени ягма (Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. 2005, с.123).

Эти данные дают основания предполагать, что чаруки были вытеснены из прежних районов проживания в результате карлукской экспансии. В свою очередь, это позволяет предположить, что в состав огузской конфедерации вошло несколько племенных объединений, вытесненных в сер. VIII в. из районов Семиречья военными действиями карлуков. Здесь следует отметить, что, по всей видимости, союз присырдарьинских огузов начал формироваться ещё на территории Семиречья в ходе войн с карлуками.

В связи с вышеизложенным носителей традиции изготовления выявленных в материалах Самосдельского городища лепных кухонных котлов, имеющих прямые аналоги в керамике памятников западного Семиречья, можно соотнести с кочевниками, входившими в огузскую конфедерацию. По всей видимости, семиреченский компонент в составе этого объединения был немногочисленным и достаточно быстро ассимилировался в среде родов западносибирского происхождения, составивших его основу. Об этом свидетельствуют археологические материалы. Лепные котлы с горизонтальными витыми и треугольными ручками являются уникальной находкой для памятников Восточной Европы и локализируются только на Самосдельском городище. Однако, как было указано выше, здесь они встречаются только в нижних слоях, что позволяет датировать их IX – нач.X в.

Следует особо остановиться на вопросе взаимоотношений племён семиреченского и западносибирского происхождения в рамках огузского союза. Письменные источники и археологические материалы свидетельствуют о проникновении значительных групп кимакского населения на юг, в Семиречье. Так, среди материалов, которые находят близкие аналогии на территории степных районов Западной Сибири, следует отметить комплекс предметов из разрушенного погребения в г. Текели в предгорьях Джунгарского Алатау (Агеева Е.А., Джусупов А.С., 1963, с.173-178), а также захоронения с сопроводительным погребением коня в могильниках Кызыл-Кайнар, Ак-Чулак (Максимова А.Г., 1968, с.146-153).

Особое значение имеют многочисленные находки поясной гарнитуры, ближайшие аналогии которой обнаруживаются в западносибирских комплексах, в культурных слоях Краснореченского городища и Ак-Бешима (Торгоев А.И., 2003, с.286-288). Это свидетельствует о том, что тюркоязычные кочевники, контролировавшие эти крупнейшие города, а с ними и всё Семиречье, в культурном плане были тесно связаны с племенами, населявшими западносибирские степи. Следует особо отметить, что именно при исследовании Краснореченского городища выявлены лепные котлы, имеющие наибольшее сходство с сосудами с Самосдельского городища.

Таким образом, можно сказать, что семиреченские и западносибирские тюркоязычные номады были связаны тесными этнокультурными связями. Представляется вполне вероятным существование группы кочевников, пользовавшихся описанными лепными котлами, в среде которых были распространены погребальные традиции, объединявшие население более северных степных и лесостепных районов. Археологические материалы из Семиречья подтверждают эту гипотезу.

Выделение и характеристика этапов сложения огузского объединения в степях Восточной Европы

Анализ огузских древностей в Восточной Европе позволяет выделить два этапа в истории этого племенного союза. Первый период существования указанного объединения тесно связан с политическими событиями, происходившими в Хазарском каганате. К началу IX в. Хазарское государство сильно ослабло. На то были как внешние, так и внутривосточные причины. Из числа внешнеполитических факторов, дестабилизировавших ситуацию в каганате, следует отметить серию тяжёлых поражений в арабо-хазарских войнах. Кроме военного, экономического и политического урона, эти неудачи нанесли непоправимый вред авторитету верховной власти в государстве в лице кагана. Можно предположить, что каган ещё более усугубил ситуацию, когда принял ислам и публично отказался от веры предков (Артамонов М.И., 2002, с.289-290). А.П.Новосельцев отмечает, что именно с сер. VIII в. наблюдается ограничение власти каганов и переход властных полномочий к шаду (Новосельцев А.П., 1990, с.140-141). Параллельно шло идеологическое обоснование этого процесса и сакрализация власти кагана. На практике всё это выливается в принятие иудаизма шадом Буланом.

Отстранению кагана от реальной власти способствовали элементы традиционного социального уклада. Здесь надо отметить наличие у хазар, как и многих тюркских народов, дуальной структуры власти, при которой наряду с каганом существует шад, наделённый большими полномочиями (командование вой-

ском, сбор налогов, судебные функции). Эта структура обусловлена традиционным делением тюркских народов на два крыла. Предводителем “младшего” крыла и был изначально шад. Обычно этот высокий пост занимал родственник кагана, что увеличивало вес претензий хазарского бека. Процесс ограничения власти кагана был весьма длительным и сопровождался ожесточённой борьбой. Только к началу IX в. беку удалось оттеснить кагана на второй план (Новосельцев А.П., 1990, с.140-141).

Как уже было сказано, эти события не могли пройти безболезненно для государства. Логично предположить, что они сопровождались сопротивлением родов, поддерживающих кагана. Это противостояние вылилось в гражданскую войну с “кабарами”, разразившуюся в кон. VIII – нач. IX в. После победы в ней бек-шад окончательно захватывает власть в свои руки, отведя кагану роль сакрального символа (Артамонов М.И., 2002, с.289-290). Об ожесточённом характере этого конфликта свидетельствует тот факт, что бек Обадия, принявший иудаизм в качестве государственной религии, и два его преемника погибают в ходе этой борьбы. Более того, в результате этого пресекается род бека Обадия и престол занимают представители боковой линии, к которой принадлежал царь Иосиф (Артамонов М.И., 2002, с.332).

Война с “кабарами” стала крупным потрясением для каганата, значительно ослабившим его. По-видимому, поводом к войне послужила реформа, а, скорее всего, принятие иудаизма беком Обадией. Несмотря на то, что иудаизм якобы принял Булан, скорее всего, это принятие было формальным ответом на принятие ислама каганом. Только с правления Обадии иудаизм закрепляется в определённых кругах хазарской знати, и беки начинают принимать тронные иудейские имена.

Выбор иудаизма как государственной религии был не случаен, а явился результатом рационального анализа ситуации. При конфронтации с каганом, вылившейся в гражданскую войну, беки теряют поддержку значительных слоёв населения внутри каганата. Им необходимы источники денежных и военных ресурсов для укрепления своей власти. Искать поддержку вовне – либо у Византии, либо у Халифата – было неудобно и проблематично,

поскольку это связало бы бека жёсткими обязательствами, которые обязательно втянули бы Хазарию в бесконечные арабо-византийские войны, а поскольку он не имел всеобщей поддержки внутри государства, это грозило окончательной потерей власти. Поэтому беки даже не обращались к соседним государствам с подобными просьбами. Об этом свидетельствует нечёткий и расплывчатый характер упоминания о войне с “кабарами” в византийских источниках. Сыграло свою роль желание уже усилившегося бека скрыть кризис власти в Хазарии и представить всё дело как незначительные конфликты.

Иудаизм и иудейские купцы как его носители не представляли угрозы власти бека и её престижу и были более контролируемы, чем внешнеполитические союзники. Еврейская община в Хазарском каганате была многочисленна и держала в своих руках очень выгодную транзитную торговлю. Иудейские купцы могли оказать беку значительную финансовую помощь (Артамонов М.И., 2002, с.274-276). Отчасти союзом с ними, возможно, объясняется перенос столицы в нижневолжские степи. Расположение столицы Хазарского каганата в низовьях Волги позволяло контролировать торговые потоки сразу по нескольким направлениям. По всей видимости, сыграло свою роль то, что в западных областях каганата имели сильные позиции внутривизантийские противники бека (Артамонов М.И., 2002, с.332-237). Скорее всего, именно для борьбы с ними в начале IX в. шад-бек начинает активно вербовать военные контингенты из кочевых народов, появившихся на восточной границе каганата. Анализируя данный вопрос, трудно обозначить причины, по которым хазарский бек отдал предпочтение огузским наёмникам, а не заключил аналогичный союз с печенегами. Возможно, это объясняется географической отдалённостью последних от центральных районов каганата, возможно, бек не захотел связывать себя обязательствами с разгромленными и ослабленными печенегами.

Таким образом, именно при покровительстве со стороны Хазарского каганата огузо-печенежские племена начинают заселять степи Восточной Европы. Можно предположить, что окончательная победа бека в борьбе с “кабарами” была связана с привлечением наёмников-

огузов (Артамонов М.И., 2002, с.331). После этой победы администрация каганата начала строительство Саркела, который являлся опорным пунктом центральной власти в западных областях каганата.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что процесс заселения восточноевропейских степей огузами проходил под протекторатом хазарской администрации. Этим объясняется тот факт, что огузы в короткие сроки преодолевают обширные степные пространства Приуралья, Западного Казахстана и начинают заселять поволжские степи. Также этим можно объяснить появление семиреченских родов. По всей видимости, именно они возглавляли наёмный огузский контингент. Также на тот факт, что огузская миграция в Восточную Европу происходила под контролем хазарского руководства, указывает крайняя немногочисленность ранних огузских памятников. К их числу можно отнести Самосдельское городище, комплекс из цитадели Саркела – Белой Вежи, а также серию погребений, которые Е.В. Круглов связывает с представителями “1-ой волны завоевателей новой родины” (Круглов Е.В., 2001б, с.421). К их числу относятся комплексы Быково-I, 14/3, 16/9; Калиновский I/7; Кос-Оба 11/2; Кривая Лука-VII, 9/16; Первомайский-VII, 10/1; Рубежка; Старица 7/18 и другие. Следует отметить, что именно в них обнаружены предметы, имеющие наибольшее сходство с западносибирскими: пряжки с приострѐнным носиком, костяные наконечники стрел, некоторые предметы поясной и сбруйной гарнитуры. Всё это указывает на то, что население, оставившее эти захоронения, имело тесные этнокультурные связи с племенами Западной Сибири.

Параллельно проникновению огузов на территорию Хазарского каганата в приаральских степях происходило ожесточѐнное огузо-печенежское противоборство. В результате этого конфликта печенеги потерпели окончательное поражение и, по всей видимости, во 2-й пол. IX в. отходят в Приуралье на территорию, занимаемую союзными им башкирами. Именно здесь на основании археологических данных и письменных источников Г.Н.Гарустовичем и В.А.Ивановым локализуется “Заволжская Печенегия” (Гарустович Г.Н., Иванов В.А., 2001, с.101).

Представляет интерес определение политического статуса печенежского объединения в степях Заволжья и Приуралья. Впервые эта проблема была сформулирована в монографии Г.Н.Гарустовича и В.А.Иванова. Авторы отмечают широкое распространение в историографии мнения С.П.Толстова о вхождении заволжской группировки печенегов в “державу огузских ябгу”. Однако сами склоняются к мысли о самостоятельности печенежского объединения в данном регионе. При этом исследователи отмечают скудность источниковой базы по данному вопросу, а своё видение проблемы высказывают в качестве осторожного предположения (Гарустович Г.Н., Иванов В.А., 2001, с.102-103). Более предпочтительно выглядит мнение Г.Н.Гарустовича и В.А.Иванова о самостоятельности печенежского объединения. Однако здесь нельзя говорить о паритетности отношений огузов и печенегов. Относительная самостоятельность “Заволжской Печенегии” была временной, обусловленной периодом освоения огузами огромных просторов поволжских и прикаспийских степей. Печенежское объединение оставалось объектом постоянной огузской экспансии, что ярко подтверждается окончательным разгромом печенегов объединёнными хазаро-огузскими силами и их уходом дальше на запад в 90 гг IX в. (Гарустович Г.Н., Иванов В.А., 2001, с.108). После этого погрома остатки печенегов включаются в состав огузского объединения. Таким образом, говорить о самостоятельности печенегов в степях Заволжья и Приуралья возможно только до конца IX в. Однако концентрация печенежских погребальных памятников в северных районах волго-уральских степей, а также в Приуралье позволяет говорить о сохранении части печенежского населения в данном районе и о сохранении “Заволжской Печенегии”. При этом следует отметить, что, по мнению Г.Н.Гарустовича и В.А.Иванова, печенеги ушли на запад не через границу Хазарского каганата, а вдоль его северных рубежей (Гарустович Г.Н., Иванов В.А., 2001, с.107). Это опровергает распространённую в отечественной историографии версию о том, что печенеги нанесли Хазарии непоправимый ущерб (Плетнёва С.А., 1982, с.137). Напротив, каганат предстаёт государством, способным дать отпор кочевникам с востока.

После победы над печенегами огузский союз окончательно закрепляет за собой прикаспийские и поволжские степи. С этого времени начинается новый этап в его развитии. По всей видимости, на рубеже IX-X вв. племена, входящие в это образование, обособливаются от кочевых групп, населяющих западносибирские степи, а в их среде начинают складываться характерные для них специфические элементы материальной культуры. Об оформлении в I-й пол. X в. огузской конфедерации в устойчивое объединение и об освоении им степей Поволжья и Прикаспия свидетельствует увеличение в этот период числа погребений. Этот процесс продолжился и после падения Хазарского каганата. Следует отметить, что Е.В.Круглов выделяет представительную группу захоронений огузов, объединяемую им во вторую половозрастную группу, датируя её 2-й пол. X в. (Круглов Е.В., 2001б, с.401). По его мнению, эту группу составляют “эталонные” памятники огузов. Именно в этих захоронениях обнаруживаются типичные для огузов изделия “ажурного” стиля. Таким образом, археологические материалы свидетельствуют о том, что присущий для огузов погребальный обряд формируется во 2-й пол. X в. и является отражением окончательного оформления и обособления этой общности средневековых номадов.

По всей видимости, процесс закрепления огузов в прикаспийских и поволжских степях тесно связан с социально-политической обстановкой в Хазарском каганате. Во 2-й пол. IX в. на территории восточноевропейских степей исчезают подкурганые захоронения с ровиком, которые связываются исследователями с определённой группой населения, занимавшей высокое положение в социальной структуре Хазарии. Таким образом, основным типом погребальных памятников кон. IX – X в. в Прикаспии и Поволжье становятся погребения огузо-печенежского круга. Подобная ситуация не может быть случайным стечением обстоятельств и, по всей видимости, является отражением сложившейся этнокультурной ситуации. Это даёт основание предположить, что, начиная с X в., основным населением поволжских и прикаспийских степей, находившимся под контролем Хазарского каганата, являлись огузо-печенеги. На это также указывают масштабные миграции болгарского населения ка-

ганата на Среднюю Волгу. При этом следует сразу оговориться, что это предположение касается только восточных районов Хазарии. В этой связи особый интерес представляют данные ал-Масуди, который сообщает, что личную гвардию хазарского царя составляют выходца из Хорезма – ал-арсийа, которые, по мнению исследователей, можно соотнести с наёмными кочевыми контингентами (Артамонов М.И., 2002, с.409). Показательно, что гвардия составляла около половины армии Хазарского каганата. На это указывают сведения ал-Масуди о ходе походов русов на Каспий в 913 г. Именно с наёмниками ал-арсийа можно соотнести огузскую общность, проживавшую в Хазарии.

Заключение

Таким образом, исходя из вышеизложенного, можно сделать ряд выводов. Анализ археологических материалов показывает, что огузское племенное объединение было многокомпонентным образованием. Прежде всего следует выделить компонент семиреченского происхождения. С этой группой можно связать специфический комплекс лепных котлов, выделенный в материалах нижних слоёв Самосдельского городища и абсолютно нехарактерный для памятников Восточной Европы. Проникновение этого населения в поволжский регион связано с его привлечением администрацией Хазарского каганата в качестве наёмников. Вместе с семиреченскими племенами на территорию Хазарии проникают группы кочевников, имеющие близкие этнокультурные связи с населением лесостепных и степных районов Западной Сибири. Семиреченская группа в составе этого объединения была немногочисленна, поэтому быстро ассимилируется. Судя по материалам Саркела – Белой Вежи и Самосдельского городища, проникновение огузов на территорию Хазарии следует датировать нач. IX в.

В дальнейшем культурный облик огузского племенного союза определяется племенами западносибирского происхождения. Именно в традициях населения лесостепных районов Западной Сибири и предгорий Алтая прослеживаются истоки погребальной обрядности, а также некоторых типов вещей восточноевро-

пейских огузов. Прежде всего здесь следует отметить украшения, выполненные в так называемом ажурном стиле. Проникновение этих традиций в огузскую среду следует связывать с вхождением в племенной состав огузов баяндур/берендеев. Окончательное оформление огузского союза и сложение характерной для них материальной культуры следует датировать сер. – 2-й пол. X в.

Также следует отметить включение в состав племенного объединения огузов печенегов. Этот факт зафиксирован рядом западных и восточных источников и подтверждается результатами картографирования памятников огузо-печенежского круга в Прикаспии и Поволжье. Можно предположить, что печенеги занимали подчинённое положение в этом объединении и вошли в него в результате поражений в огузо-печенежских войнах. Подобная практика была широко распространена среди кочевников.

После разгрома огузами “Заволжской Печенегии” часть печенегов уходит на запад, в район Поднепровья. По мнению исследователей, они обходят территорию Хазарского каганата с севера. Образовавшаяся в результате этой миграции “Европейская Печенегия” по всем данным была самостоятельным объединением. Эта миграция позволила печенегам оторваться от огузской экспансии, новый виток которой начался в результате половецкого нашествия.

Анализ основных характеристик погребального обряда печенегов позволяет говорить, что он также сложился под влиянием традиций западносибирских племён. В то же время основные типы предметов, составляющих погребальный инвентарь печенежских захоронений, были широко распространены в степном пространстве Евразии и не имеют этноиндентифицирующих признаков. Возможно, здесь нашло отражение то, что печенеги в результате тяжёлых поражений от огузов совершили целую серию масштабных кочёвок и не имели возможности “выработать” свой собственный стиль.

Таким образом, выделение этнокультурных компонентов в среде раннесредневековых восточноевропейских кочевников позволяет раскрыть механизм сложения этих общностей и более полно охарактеризовать их культуру.

Литература и архивные материалы

- Агаджанов С.Г., 1969. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XII вв. Ашхабад.
- Агаджанов С.Г., 1977. К этнической истории огузов Средней Азии и Казахстана//Известия АН Туркменской ССР. № 4. Ашхабад.
- Агеева Е.А., Джусупов А.С., 1963. Интересная находка// Учёные записки Казахского государственного университета им С.М.Кирова. Вып.12. Серия общественные науки. Алма-Ата.
- Арсланова Ф.Х., 1968. Памятники Павлодарского Прииртышья (VII-IX вв.)// Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата.
- Артамонов М.И., 2002. История хазар. СПб.
- Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС, 1987. Алма-Ата.
- Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья, 1981. М.
- Байпаков К.М., 1986. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. Алма-Ата.
- Бараба в тюркское время, 1988. Новосибирск.
- Бартольд В.В., 1973. Приложение к "Отчету о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893-1894 гг."// Сочинения. Т.VIII. М.
- Беликова О.Б., Плетнёва Л.М., 1983. Памятники Томского Приобья в V-VIII вв. н.э. Томск.
- Боталов С.Г., 1986. Курганы у оз.Синеглазово (по раскопкам Н.К.Минко и С.А.Гатцука)// Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. Челябинск.
- Бубнова М.А., 1963. Средневековое поселение Ак-тепе – 1 у с.Орловка// Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе.
- Вишневская Н.Ю., 2001. Ремесленные изделия Джигербента. М.
- Гаврилина Л.М., 1985. Кочевнические украшения X в.// СА. № 3.
- Гаврилина Л.М., 1987. Сбруйные украшения у кочевников Восточной Европы в X-XI вв.// Археологические исследования Калмыкии. Элиста.
- Гарустович Г.Н., Иванов В.А., 2001. Огузы и печенеги в евразийских степях. Уфа.
- Горбунов В.В., 1996. Курганы сросткинской культуры у с.Шелаболиха// Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. VII. Барнаул.
- Горбунова Т.Г., 2003. Наконечники ремней конского снаряжения из раннесредневековых памятников Алтая// Древности Алтая. № 11. Горно-Алтайск.
- Грязнов М.П., 1956. История древних племён Верхней Оби по раскопкам близ с.Большая Речка. М.; Л.
- Гупало К.Н., Ивакин Г.Ю., 1980. О ремесленном производстве на Киевском Подоле// СА. № 2.
- Гуцалов С.Ю., 1993. Погребение огузо-печенежского времени в кургане Болгарка I (Актюбинская область)// Новое в средневековой археологии Евразии. Самара.
- Доконт Н.К., 1973. Кочевническое погребение XI века у с.Мирное// Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. К.
- Елькин М.Г., 1970. Курганный могильник позднего железного века в долине р.Ур// ИЛАИ. Вып.2. Кемерово.
- Иванов В.А., 1993. Хронологические комплексы X-XI вв. на Южном Урале и Приуралье// Хронология памятников Южного Урала. Уфа.
- Кирпичников А.Н., 1973. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX-XIII веков// САИ. Е1-36.
- Кляшторный С.Г., 1964. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М.
- Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 2005. Степные империи древней Евразии. СПб.
- Кокебаева Г.К., 1980. Памятники поздних кочевников Западного Казахстана// История материальной культуры Западного Казахстана. Алма-Ата.
- Кононов А.Н., 1958. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана хивинского. М.; Л.
- Константин Багрянородный, 1934. Об управлении государством// ИГАИМК. Вып.91. М.; Л.
- Кригер В.А., 1979. Погребения и случайные находки IX-XI вв. на территории Уральской области// НТ КГПИ. Т.230. Куйбышев.

- Кригер В.А.**, 1986. Средневековые кочевники Заволжья (обзор источников)// Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. Саратов.
- Кригер В.А.**, 1993. Огузские курганы в междуречье Волги и Эмбы// Новое в средневековой археологии Евразии. Самара.
- Кригер В.А., Железчиков Б.Ф.**, 1980. Позднекочевнические погребения у пос.Рубежка и Алебастрово Уральской области// СА. № 1.
- Круглов Е.В.**, 2001а. О некоторых особенностях погребального обряда огузов// Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий. Астрахань.
- Круглов Е.В.**, 2001б. Погребальный обряд огузов северного Прикаспия 2-ой пол. IX – 1-ой пол. XI в.// Степи Европы в эпоху средневековья. Т.2. Хазарское время. Донецк.
- Круглов Е.В., Лукашов А.В., Мамонтов В.И.**, 2003. Погребения кочевников IX – начала XI века на территории Палласовского района Волгоградской области// Нижневолжский археологический вестник. Вып.6. Волгоград.
- Круглов Е.В., Сергацков И.В., Балабанова М.А.**, 2005. Новые погребения огузов у с.Колобовка// Нижневолжский археологический вестник. Вып.7. Волгоград.
- Кубышев А.И., Орлов Р.С.**, 1982. Уздечный набор XI века из Ново-Каменки// СА. № 1.
- Кызласов Л.Р.**, 1960. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М.
- Максимова А.Г.**, 1968. Средневековые погребения Семиречья// Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата.
- Малявкин А.Г.**, 1981. Историческая география Центральной Азии. Новосибирск.
- Могильников В.А.**, 2002. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX-XI веках. М.
- Нефёдов Ф.Д.**, 1899. Журнал курганных раскопок 1881-1888 годов в Южном Приуралье// Материалы по археологии восточных губерний. Т.3. М.
- Новосельцев А.П.**, 1990. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.
- Орлов Р.С.**, 1984. Среднеднепровская традиция художественной металлообработки в X-XI вв.// Культура и искусство средневекового города. М.
- Плетнёва С.А.**, 1958. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях// МИА. № 62.
- Плетнева С.А.**, 1973. Древности черных клобуков// САИ. Вып.Е1-19.
- Плетнёва С.А.**, 1982. Кочевники средневековья. М.
- Плетнёва С.А.**, 1990. Половцы. М.
- Поселянин А.И.**, 2003. Таштыкский погребально-поминальный комплекс Быстрая II на Енисее// Степи Евразии в древности и средневековье. СПб.
- Савинов Д.Г.**, 1979. Об основных этапах развития этнокультурной общности кыпчаков на юге Западной Сибири// История, археология и этнография Сибири. Томск.
- Савинов Д.Г.**, 1984. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.
- Савинов Д.Г.**, 1994. Государства и культурогенез на территории Южной Сибири в эпоху раннего средневековья. Кемерово.
- Савинов Д.Г.**, 1998. Сроткинский могильник (раскопки М.Н. Коморовой в 1925 г. и С.М. Сергеева в 1930 г.)// Древности Алтая. Вып.3. Горно-Алтайск.
- Смирнов К.Ф.**, 1960. Быковские курганы// МИА. № 78.
- Тишкин А.А.**, 1993. Аварийные археологические раскопки курганного могильника Щепчиха-1// Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул.
- Толстов С.П.**, 1947. Города гузов// СЭ. № 3.
- Торгоев А.И.**, 2003. О хронологии наременных украшений Семиречья// Степи Евразии в древности и средневековье. СПб.
- Тронцкая Т.Н., Новиков А.В.**, 1998. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск.
- Уманский А.П.**, 1974. Могильники верхнеобской культуры на Верхнем Чумыше// Древняя Сибирь. Вып.4. Новосибирск.
- Фёдоров-Давыдов Г.А.**, 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.
- Фёдорова-Давыдова Э.А.**, 1969. Погребение знатной кочевницы в Оренбургской области// Древности Восточной Европы. М.

- Чиндина Л.А.**, 1977. Могильник Рёлка на Средней Оби. Томск.
- Шалобудов В.Н., Кудрявцева И.В.**, 1981. Кочевнические погребения Среднего Поорелья// Курганы степного Поднепровья. Днепропетровск.
- Шалобудов В.Н., Яремака В.Н.**, 1985. Кочевнические захоронения X-XII вв. на р.Волчьей// Проблемы археологии Поднепровья. Вып.2. Днепропетровск.
- Шилов В.П.**, 1958. Отчет о работах Астраханской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР в Среднеахтубинском и Пролейском районах Сталинградской области за 1958 г.// Архив ИА РАН. Р-1, № 1850.
- Шилов В.П.**, 1959. Калиновский курганный могильник// МИА. № 60.
- Шилов В.П.**, 1975. Очерки по истории древних племён Нижнего Поволжья. Л.
- Шнайдштейн Е.В.**, 1989. Раннесредневековые погребения на Ахтубе в низовьях Волги// Ранние болгары в Восточной Европе. Казань.
- Яворская Л.В.**, 1997. Средневековые погребения у пос.Верхний Балыклей// Историко-археологические исследования в Нижнем Поволжье. Вып.2. Волгоград.
- Hudud al-Alam.** The Regions of the World. A Persian Geography 372 A.H.-982 A.D, 1937 /Tr. and expl. by Minorski V. London.

Summary

P.V.Popov (Astrakhan, Russia)

ON ETHNOCULTURAL COMPONENTS OF MATERIAL CULTURE OF OGHUZES AND PECHENEGS

As a result of the analysis of the funeral rite of Oghuz and Pecheneg burials and the grave goods and the objects found during the explorations at the Samosdelka hillfort and Sarkel – Belaia Vezha, ethnocultural components which composed the above tribe unions can be distinguished.

The analysis of sources indicates that steppe and forest-steppe areas of Western Siberia and Altai were an initial territory of migrations of the East European nomads. In those areas numerous artefacts were unearthed which are similar to the main categories of grave goods found in Oghuz-Pecheneg burials. The formation of the ceremony when the deceased is accompanied with a horse skin should be most likely connected with the influence of the West Siberian Ugrian communities on Turkic-speaking tribes. On the basis of examination of a complex of modelled cauldrons from the bottom layers of the Samosdelka hillfort and the evidence of written sources the Semirechie component can be pointed out. Judging by the finds of archaeological explorations in Semirechie, nomads of this region were closely connected with West Siberian Turkic-speaking nomads.

Apparently, the Pecheneg-Kangary consolidation was also formed with the participation of nomads of Western Siberia. This component influenced the funeral ceremony of inhumation with a horse skin located to the left of the deceased at the same level. Due to a series of mass moves the Pechenegs did not develop the elements typical only of this consolidation in their material culture.

Formation of the Oghuz tribe union in the steppes of the Volga reaches and the Northern Caspian Sea region can be divided into two stages. The first stage (the early 9th – mid 10th century) is characterised by the penetration of the Oghuzes into these territories and their reclamation. These processes proceeded under the patronage of administration of the Khazarian kaganate. After the downfall of Khazaria, the Oghuzes seize the political power in the region. In the 2nd half of the 10th century the Oghuz consolidation was finally formed, with a common funeral ceremony and unique style in manufacturing of metal fine arts as its specific features.

Статья поступила в редакцию в апреле 2010 г